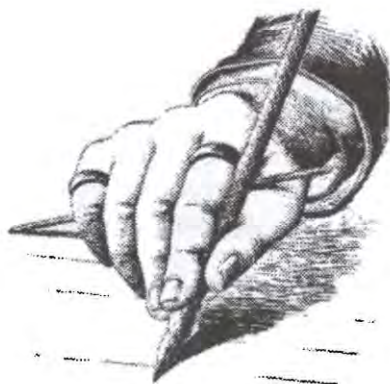

КАКОЕ
СЧАСТЬЕ
ЖИЗНЬ
ЛЮБИТЬ

КРАСНОЯРСК 2019

*КОЛЛЕКТИВНЫЙ
СБОРНИК ПРОЗЫ*

КРАСНОЯРСК 2019

Коллективный сборник прозы

КАКОЕ СЧАСТЬЕ ЖИЗНЬ ЛЮБИТЬ

ШАРЫПОВО - КРАСНОЯРСК: ЛИТЕРА-принт,
2019. - 114 с.

Над книгой работали: редактор Тамара Хведченя;
дизайн Сергей Новиков, Надежда Сафиуллина;
набор Наталья Сорокина, Лариса Кудинова, Надежда Рубан;
корректор Лариса Кудинова;
менеджер Ольга Петрушенко

Оформление обложки и титульного листа выполнено
с использованием ресурсов Интернета

Фото авторов на задней стороне обложки
Александра Комиссаренко

Книга публикуется на собственные средства авторов

© Коллектив авторов, 2019

Подписано в печать 19.06.19. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 7,2. Бумага офсетная.

Тираж 350 экз. Заказ 06-074

Отпечатано в типографии «ЛИТЕРА-принт»,

т. 295-03-40

ЗОЛОТОЙ ВОЗРАСТ

ГЕОРГИЙ РУСАЛЕЕВ

ТРИНАДЦАТЫЙ

Число «13» - чёртова дюжина – для кого-то счастливое, для кого-то наоборот. Вот и я попал в тринадцатые на ужурской дороге. Как порядочный участник дорожного движения, на своём «Запорожце», в правом крайнем ряду, как положено, качусь по шоссе, испытываю огромное удовольствие от стремительности перемещения в пространстве. Радость жизни так и переполняет весь организм: от правой ноги, что на педали акселератора, до кончиков реденьких волос на макушке головы. Не обращаю внимания, что престижные ВАЗы, ГАЗы и разные «мерседесы» обгоняют меня, обдав меня вонючими отработанными газами через открытую форточку. Пусть едут. Я тоже не стою.

Знак «40 км в час» меня не удивил. Нужно уважать человека, и 300 метров мимо остановок «Береш» проехать с малой скоростью – одно удовольствие. Еду, соблюдаю. Кто-то даже обогнал меня. Впереди знак «Пересечение с второстепенной дорогой». Интуитивно прибавил газу, на спидометр не смотрю. И вдруг...

От стоящей в лесопосадке «Нивы» с синей полосой по борту выбегает человек с жезлом в руке. Останавливаюсь за перекрёстком. Паренёк с жезлом в гражданской одежде приглашает меня с документами к «Ниве». В форме никого. Думаю, замаскировались, секретное задание выполняют. Мало ли что. Парень постарше вежливо так:

– Смотрите, – и показывает радар. На экране красненькие цифры «51». – Вы превысили скорость. Знак «40» видели?

– Видел. Но зона действия знака – до перекрёстка, – демонстрирую свои знания правил.

– А вы не пересекли границу перекрёстка. Нарушение налицо. Что будем делать? – и вертит в руках мои документы.

Я растерялся. Штраф неминуем. А денег ни копейки в кармане. До пенсии ещё четыре дня. Заберёт права, а потом ищи-свищи. Заставят сдавать «Правила». Их я знаю, а вот сумею ли сдать экзамены? Сдают теперь на какой-то машинке. Чёрт знает что! Сорок с лишним лет за рулём, ни одной аварии. Придётся расстаться с «Запорожцем». От умственного напряжения меня бросило в пот. Парень этот смотрит на меня, улыбается и, наверное, думает: «Попался, дед!»

А машины по шоссе одна за другой со свистом.

– Тринадцатый! Шестьдесят!

– Тормози! – скомандовал старший.

Остановили «Волгу». Вся процедура повторилась как и со мной. Старший попросил обождать минутку, изъяс документы у новичка, а мне подал бумажку «Предупреждение».

– Распишитесь.

Я не стал читать, что там написано. Расписался. Получил свои документы и пошёл к своему безотказному «Запорожцу».

Из этого происшествия я понял, что никогда не надо ехать тринадцатым.

О своём самочувствии просто не стоит говорить.

ВСТРЕЧА

Живёшь, дышишь, переживаешь, радуешься и не знаешь, какую загадку преподнесёт тебе жизнь завтра. Для души лучше не знать, что будет завтра. И так она от сегодняшних потрясений не знает покоя. Уж лучше жить в неведении и думать о сегодняшнем дне, заниматься тем, что любишь, что нравится. Я, например, люблю на берегу озера поси-

деть с удочкой на утренней зорьке. Тишина. Озеро зеркально-гладкое. Чуть-чуть при первых лучах восходящего солнца, сморщит стеклянную гладь и снова заблестит, отражая небесную синь.

Карась – рыба немудрёная, но утречком, на зорьке, клюёт куда дружнее, чем ближе к полудню. Вот на карася я и приехал на своём стареньком «Запорожце» на озеро Солёное. Встретил восход солнца. Клёв был активный, но ловился карась мелкий. Лодки у меня нет. Ловил с берега в разрывах камышовых зарослей, где чистая вода. Знаю, что за камышовыми зарослями на большой воде и карась крупнее, и клёв должен быть хорошим. А тут... Теревит мелочь наживку, а проглотить не может. Настроение моё, прямо скажу, отвратительное. Выпил кружечку горячего кофе из термоса и решил ехать домой.

На приозёрной полевой дороге пылила какая-то машина. Вскоре подъехала «Волга». Среднего роста, плотного телосложения мужчина вышел из машины и спросил:

– Ну как, рыбак, клёв хороший? – Посмотрел в ведёрко, там плавали десятка полтора мелких карасиков. – Не густо. На что ловил? На тесто?

– Да, – ответил я, – без лодки делать нечего.

– У меня лодка двухместная. Может, порыбачишь со мной с лодки? Вдвоём веселей.

Я согласился. Вдвоём быстро надули лодку, спустили на воду. Взяли по одной удочке и наживку. Я захватил своё ведерко с рыбой, а мой новый знакомый:

– Оставь ведёрко, с ним одна морока в лодке. У меня хороший садок.

Так и сделали. Привязались к камышам. Иван Фёдорович (так звать моего нового знакомого) достал мешочек с подкормкой, разбросал вокруг лодки и, улыбаясь, спокойно так:

– Теперь ловись, рыбка, большая и малая.

Забросили снасти и ждём поклёвки. Я обратил внимание, что Иван Фёдорович в тельняшке. Тельняшка не ширпотре-

бовская, а настоящая, флотская. Я когда-то пять лет служил на флоте и отличить, конечно, смог.

– Смотрю на тельняшку, вспомнил службу. А вот сохранить тельник не сумел. Сыновьям перешивали. Они подрастали, то для самостоятельности, то ещё для чего-либо требовалась морская форма. Вот они и щеголяли в перешитой отцовской, – проговорил я, поглядывая на полавки.

– Где служил?

– На Тихом. На эсминце «Разящий», сигнальщиком.

– В какие годы?

– Так я в 53-м на вашем эсминце практику проходил. В БЧ-3 у старшего лейтенанта Синеокова. Помнишь его?

– А как же. Погодите, Иван Фёдорович, давай я на ты с тобой. Не ты ли угодил в госпиталь, когда спас девушку в Амурском заливе и запутался в щупальцах медузы-крестовки?

– Да. И представь, эта девушка стала моей женой через полтора года после этого случая. Вот уже сорок лет мы с ней вместе.

– Ну и дела. Правда, говорят, гора с горой не сходится. А ведь я был у тебя в госпитале. Всё лицо было забинтовано. Одно ухо торчало из повязки. Распухшее, красное, величиной с хорошую лепёшку. Я тогда лежал в хирургическом. Сказали, что курсант с Макаровского спас дочь адмирала, а сам, смертельно ужаленный медузой, попал в госпиталь. Старшина с нашего корабля из БЧ-3 тоже находился на лечении в госпитале. Он-то и узнал, что ты на практике у нас был на корабле. Как тут не попроведовать. К тебе в палату настоящее паломничество было. Потом поставили к двери медбрата, матроса-санитара, огромного такого. Он навёл порядок. Надо же! Вот так встреча!

Вскоре начался такой клёв, что и говорить было некогда. Караси величиной с ладонь один за другим шлёпались в садок, спущенный с борта лодки.

Часа через полтора подул ветер, зашумел камыш сухим скрипящим шелестом. Поднялась волна. Потемнел гори-

зонт. Из-за сопок надвигалась гроза. Не дожидаясь дождя, мы выбрались на берег, разделили рыбу по-братски, успели до дождя сложить снасти и лодку. Дождь хлынул вместе с громом такой проливной, что миг наступили сумерки. Мы забрались в салон просторной «Волги». Дождь так барабанил по кузову машины, что заглушал голос при разговоре. А так хотелось узнать дальнейшую судьбу Ивана Фёдоровича и его жены.

После первого и сильного натиска дождь приутих – можно было спокойно в машине разговаривать.

– Расскажи-ка, Иван Фёдорович, как всё было на самом деле? – попросил я.

- Конечно, всё помню. Уже более сорока лет прошло. Но расскажу. Ходили мы патрулём по городу. Старший лейтенант и три курсанта. У старшего лейтенанта какое-то срочное дело было дома. Он был семейный. Нас предупредил, чтобы мы, пока он ходит домой, не болтались по центральным улицам, а где-то на пляже, в районе стадиона на берегу Амурского залива часика полтора-два его подождали. Слово – дело. Мы с товарищем прошли по дикому пляжу. Обратили внимание на группу девчат, таких беззаботно-радостных. Подумали, что это абитуриенты сдали вступительные экзамены и пришли искупаться. Мы догадались правильно, как выяснилось потом.

Девчата сбросили туфельки, сумочки и прямо в платьях толпой побежали в море, хохоча и визжа. Известно, девчонки. Друг мне говорит: «Вот дают!»

Через какую-то минуту две девчонки с криком, визгом, но уже не радостным, а каким-то истеричным, так же стремительно повернули на берег. Что-то белое осталось там. «Люда, Люда там!» – кричали вразнобой девчата.

Я, как-то не раздумывая, понял, что там осталась девушка в белом платье – бросился в воду. В несколько прыжков подскочил к девушке, которая была без сознания и держалась на плаву за счёт воздушного пузыря, образованного платьем. Я схватил её поперёк туловища, поднял. Медуза-

крестовка окутала щупальцами её ноги. Я одной рукой обхватил девушку, другой рукой схватил медузу за зонт, потянул, чтобы снять с ног щупальца. Дёрнул, да не рассчитал. Щупальца, они длинные, метра полтора, сорвались с ног и захлестнулись на моей голове и шее. Я почувствовал боль ожога, срываю рукой щупальца, а сам со своей ношей шагаю на берег. Друг пришёл на помощь. Принял у меня девушку, а я продолжал срывать с себя скользкие ядовитые нити. Яд попал в глаза. Не помню, как я очутился в госпитале. Как видишь, не ослеп. И по сей день жив-здоров.

– А дальше?

– Дальше. Люда, так звать девушку, поправилась раньше меня. Навестила меня в госпитале вместе со своим отцом. Он не адмирал, а капитан первого ранга. Служил в гидрографии. Я только одним глазом и то неуверенно, смотрел на лицо девушки и её отца. Уж очень переживал за свои глаза. Думал, ослепну. Боли невыносимые были.

Всё обошлось. Так мы познакомились, подружились, полюбили, поженились.

После училища служил на эсминце «Вечный» в Совгавани. Учился. Командовал сторожевым кораблём. Ушёл в отставку капитаном второго ранга. Сейчас на пенсии. Здесь моя родина, здесь могилы предков. Места здесь прекрасные. Лучше и не надо.

Мы долго ещё вспоминали о флоте, говорили о жизни. Дождь давно перестал, небо очистилось, выглянуло, ещё горячее, августовское солнышко. Я долго не мог успокоиться. Надо же, какая необыкновенная встреча.

ЗОЯ СМОЛЯНИНОВА

ГЕНКА-АФГАНЕЦ

Генка пришел в наш магазин грузчиком, где я, уже будучи на пенсии, работала продавцом. Тогда мне эта работа нравилась. В молодости я была хорошим продавцом – так мне говорили. Генка – очень красивый парень, но совершенно бесшабашный. Видно, Господь спас его от душманской пули – пришел домой без единой царапины. Тут и начались его беды. На работу никуда не брали, да и специальности у него никакой не было, кроме как убивать людей.

Мать больная, отец – пьяница. Я смотрела на этого парня, и мне всегда было его жаль. В это время мой сын служил в морфлоте, я по нему очень скучала, вот и привязалась к парню.

Грузчиков у нас было много – человек семь. Мало кого помню из них. А вот Генку запомнила на всю жизнь. Его что ни попросишь, он тут же прибежит и готов сделать. Иногда от него пахло водкой. Как-то я спросила:

– Ген, ну зачем ты пьешь? Тебе жениться надо. Ты такой парень красивый, за тебя любая пойдет.

– Да кто за меня пойдет? Я же пьяница, да и мать больная. Если бы не Афган, я бы учиться пошел. В 18 лет забрали, а никакой специальности не дали. А вы знаете, что я там видел? Ребята стоят перед глазами. Сколько их там полегло... и какие ребята! Я по ночам ору, мать пугаю. А что я сделаю? Мне самому жить неохота. Остается одна водка.

Генка говорил, а в глазах его стояли слезы. Да, послали на бойню ребят, а когда вернулись, даже не побеспокоились принять и трудоустроить как следует. Помню, где-то я читала о том, как один чиновник по кадрам сказал:

– Я тебя туда не посылал.

Конечно, не все сгнули или спились. Родители обеспеченные помогли вернувшимся с Афгана сыновьям встать на ноги, но Генкины к ним не относились, и поддержки роди-

тельской у него не было. Только сильные ребята выживали. Командиры тоже погибали. Но были и такие, которые при-торговывали афганскими товарами. Сама покупала у жены офицера платки. Они еще и обогатились. Не зря в народе говорят: «Кому война, а кому мать родна». А Генка и украсть не мог. Потом его уволили за прогулы. А через год я его встретила возле универсама. Он бежал мне навстречу и улыбался. А когда подошел ближе, я увидела его опухшее лицо.

«Наверное, посадил почки», – подумала я.

– Господи, Гена, что с тобой?

Он назвал меня по имени-отчеству и прокричал:

– Дохожу. Недолго осталось.

Я стояла и плакала. Боже, какой был парень – картина, и вот погибает не на войне, так в мирное время. Сколько ж там таких полегло? Никто их не считал. По крайней мере, так мне кажется.

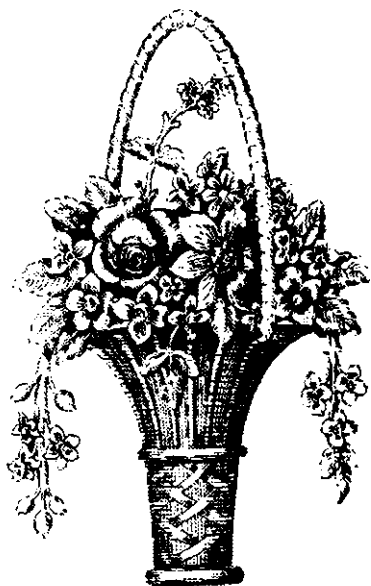
ЛАСТОЧКА

Как-то я задумалась: куда подевались ласточки? Не вижу их уже давно. Оказывается, они действительно исчезли из наших мест. Видно, из-за плохой экологии. Я очень любила этих маленьких пташек. Летом перед грозой они летают низко-низко. Их раздвоенные хвостики так и мелькают. Однажды мы с мужем и двумя дочерьми, возвращаясь с юга, заехали в Шарыпово. По улице Партизанской, в большом деревянном доме, жила тетя Зина – сестра моей мамы. Они держали скот, кур, пчел. Все большое хозяйство было ухожено, в доме уютно. В тот год в сарае ласточка свила гнездо.

Муж, увидев в гнезде птицу, подкрался и взял ее в руки, чтобы показать детям. В это время вышла тетя во двор и, увидев в руках моего благоверного ласточку, сразу сильно заплакала. Я с укором посмотрела на мужа. Он был городским человеком и деревенских тонкостей не знал. Мы стали

уговаривать тетю успокоиться, а он не понимал, в чем дело. По поверью, ласточку нельзя трогать руками, она может покинуть гнездо и улететь навсегда, и тогда хозяйство зачахнет и не будет удачи. Кое-как тетя успокоилась. И поведала моему мужу о том, что ласточка – очень нежная птичка. Она не любит прикосновения человека. Когда ласточка селится на подворье – это большое благо для хозяев. Они ее оберегают, и никто из домочадцев не трогает. Есть даже легенда: когда-то у шиповника были белые цветы. Но как-то ласточка поранила крылышко о шип этого кустарника, и капелька ее крови упала на цветок. С тех пор шиповник стал розовым.

Очень жаль этих птиц. Вернуться ли они к нам? Не знаю. Не исчезли бы и мы как эти маленькие пташки.

ЕВГЕНИЯ РУСАЛОВА

СЛОВО О КОРОВУШКЕ

Низко кланяюсь коровушке-кормилице, коровушке-труженице. Корова даёт молоко – это знают все. Но не каждый знает, что в тяжёлые годы войны на коровах пахали, перевозили грузы, запрягали в телегу, косили, и ещё много других работ выполняла коровушка, помогая нам выжить.

В войну жили мы в посёлке Лаврентьевка, в Казахстане. На фронт ушли не только мужчины, отправлены были туда и колхозные трактора. А пахать и сеять надо. Собирали всех коров на пахоту. В бригаде были женщины да подростки... Впрягали коров в плуги вместо тракторов, наши матери – за плугом, а мы вели коров за налычаг (верёвку), подгоняли. Старались не бить уставших коров, больше тянули их вперёд по борозде. У каждой коровы свой характер. Наша корова Катя была послушной, а другая – Ласточка, если устанет, то ляжет и будет лежать. Её ничем не поднимешь, пока сама не встанет. Запрягали в один плуг по шесть коров, вот они все и отдыхали, благодаря ей. Поднялась Ласточка – и пашем дальше. В обед пасли коров дети, следили, чтобы не убежали они с поля домой к телятам, не залезли в огороды.

Начинался покос, и опять коровушка в ярме. Косили сено, возили на телегах на сеновал. Получалось, что сама себе коровушка на зиму заготавливала корма. Ездили на ней за дровами в лес, на озеро за камышом топить печи, на бахчу за арбузами и тыквой. Слаще пареной тыквы с дикой вишней ничего зимой мы и не ели. И так было в каждом доме, особенно, где все мужчины были на войне или в трудармии. Да ещё и не у всех были коровы. И после войны не скоро ещё сняли с коровушки ярмо. Долго ещё Рябинки, Ласточки, Жданки, Марты, Майки помогали нам пережить нужду и голод.

В войну каждая семья платила натуральные налоги с коровки: восемь килограммов масла и телёнок каждый год.

Надо было помогать отцам и братьям, воевавшим с фашистами на фронте. Никто и не роптал, платили сельхозналог, хоть сами не доедали. Хлеба не видели всю войну и после неё ещё голодали. Иногда колхоз выдавал какие-нибудь отходы. Веяли, перетирали на ручной мельнице – дермене, варили болтушку на оброте, а то просто кислое молоко или кружка оброта – вот и вся еда. От голода пухли ноги.

Когда у нас на фронте погибли все наши родные, с нас сняли сельхозналог. Сестра вечером доила корову, а мы четверо детей рядом стояли с кружками, да ещё соседские – дети сосланных немцев и чеченцев. Она всем разливала молоко по кружкам, чтобы выпили сразу, а потом ещё домой давала. Один больной чеченец жил у нас в погребе, его трясла малярия, тоже приходил за молочком. Говорил:

– Маруся, дай молоко.

Помогло ему молоко – он выздоровел и целовал маме руки за молочко.

Мы всегда держали с Алёшей хозяйство, и корова была кормилицей. Мама моя любила ухаживать за коровами и телятами, корова была для неё святыней. Все дети и внуки выросли на молоке. Последняя наша корова Рябинка была общей любимицей и умницей. Мы её продали, так как уже не было здоровья ухаживать за ней, а она никак не могла забыть наш двор и приходила к закрытым воротам, мычала – просилась домой.

Сегодня в селе мало коров, мало кто держит. Молоко покупают в магазинах. Да и какое это молоко – ни вкуса, ни запаха. А мы без коровушки и не въжили бы.

Вপুরе ей поставить памятник: заслужила она его!

ПРАВДА ЖИЗНИ

АЛИНА ТОКАРЕВА

СЕРЕЖКА

Весна заглянула в окошко к Сережке, криком многоголовой детворы проникла в комнату, свежим дыханием коснулась пылающего лица и улыбнулась, оставив улыбку солнечным лучиком на стене. Прилетел шаловливый ветерок потрепал Сережкины кудри и шепотом позвал его на бурлящую шумом и гамом улицу. Сережка накинуд на плечи старенькое пальтишко и выскочил на улицу. Но подошедшая к крыльцу бабка, накинудась на него: «Ах ты – разбойник! Не усидел-таки дома. А ну, марш домой! Поди успеешь еще... Вчерась температура была, а нонче, гляди-ка: на улицу прошмыгнуть торопится». Она легонько подтолкнула Сережку, потрепала его вихры и уже ласково проговорила: «Потом, Сереженька. Вот выздоровеешь, тогда уж пойдешь. Никуда улица-то от тебя не денется». Она ввела его в комнату, раздела... И вдруг увидев распахнутое окно, воскликнула: «Ох ты, боже, мнеченьки! Ты пошто окно растворил? Совсем свалиться хочешь? Мало наболелся? Так весдом выстудишь и себя заморозишь». Она закрыла окно и засуетилась:

– Молочка тебе надо горяченького с маслицем. Сейчас ужо я тебе. Да ты, небось, и проголодался. Ну, милоч, садись, живо отведай драников со сметаной. А вот и молочко горячее. Не обожгись!»

Наложила ему в тарелку драников со сметаной, заботливо пододвинула стакан с молоком и с нежностью залюбовалась внуком, который хищно уписывал драники и захлебывал молоком.

«Да как же мне оторвать его от сердца? – раздумывала бабушка. – Вот вскорости приедет дочка и увезет внука»

надолго, а может, навсегда. Нет-нет. Не отдам! Они молодые. У них еще дети будут. А Сереженьку не отдам».

– Ты чего, бабушка, головой мотаешь? – спросил внук.

– Ничего, я так. Да ты ешь! Тебе сил набираться надо, кряхтя, Васильевна поднялась с места и включила телевизор, но не стала слушать, о чем рассказывала молодая красивая девушка с экрана. «Вот пошли молодые. Подбросят своих детей к матери, а потом забирают, когда дети подросли. И мама уже им не нужна. А как же отдирать от сердца? Уж приросли к внукам, к родной кровиночке. Да и мать-то внучок плохо помнит. Редко приезжает».

За окном раздался шум подъехавшей машины. Васильевна выглянула в окно: «Приехала. Легка на помине».

Дочка спрыгнула с подножки грузовой машины и заспешила к дому. Хлопнула входная дверь.

– Привет, мои родные!

– Светка, никак ты?

– Я. Ох, и натряслась в кабине. Дороги как не было, так и нет.

– Да кто ж делать будет?

– Обещали ведь.

– Обещанного три года ждут. А может, и больше. Молодежь разъехалась. А для стариков и стараться не будут. Не нужны мы стали.

– Нужны. Нам нужны. Давай, хоть обнимемся, поцелуемся. – Света прижала маму к себе, чмокнула в щеку. – А где мой чижик?

Подошел Сережка, насупился:

– Я не чижик, я – Сережа.

Дочка наклонилась, взъерошила волосы мальчишке:

– Ах, ты мой сыночек маленький, мое солнышко. Я вам подарки приготовила: сынуле – машину, тебе, мамочка, – паль. – Спасибо, дочка. Не надо было деньги тратить. У меня есть, хоть старенькая, да теплая.

Сережа прижался к бабушке.

– Ты за мальчонкой приехала?

– А ты вещи собрала?

– Нет. Я хотела серьезно поговорить с тобой.

– Мама, не начинай. Знаю, что скажешь. Сообщаю сразу: мы с Виктором решили расписаться. Он не против ребенка. У него и квартира есть. Будет обеспечен, так что не беспокойся.

– Да как же я? С пеленок его растила, всей душой прикипела к мальцу. И болел он недавно. Пусть у меня пока поживет.

– Ты приезжать будешь. Заболит – врача вызовем. Ребенку мама нужна.

– Так он отвык от тебя. Столько времени не видел.

– Ничего привыкнет. Мы уже документы в садик собрали, рядом с домом. Ему развиваться надо, общение со сверстниками...

– Я не хочу в садик. Я у бабушки буду жить.

– Мальш, я по тебе соскучилась. Миленький, поедем домой.

– Нет. Я с бабушкой останусь, – Сережка расплакался. Бабушка схватила мальчика, прижала к груди:

– Вот видишь? Он от меня никуда.

– Это ты настроила ребенка против меня? Хочешь помешать моему счастью?

– Да что ты! Мальчонка давно тебя не видел. Живите, как хотите. Сереженьку не отдам. Твой мужик чужой для него.

– Ничего. Познакомится, станет лучше родного отца. Не устраивай сцен.

– Ладно. Садись ужинать с нами. Завтра поговорим. Утро вечера мудренее.

– Я бы рада, да завтра на работу. И машина ждать не будет. Уговорила Николая довести до шоссе, там попутку поймаем. Ты собери вещи, а я Сережку одену.

– Как же так! Хоть немного бы побыла. Я драников напекла.

– Мама, я спешу.

Света стала одевать Сережу. Он вырывался. Как же не хотелось куда-то ехать от родной бабушки к чужому дяде и маме, которую он плохо помнил. Даже новая зеленая машинка была отброшена в сторону. Бабушка, смахнув слезы с ресниц, собирала его рубашки, маечки и штанишки, которые, как ей казалось, пахли внучком, и вздыхала.

Потом он долго не мог отцепить рук от бабушки, и мама Света насилу оторвала его и посадила в машину. «Как трудно быть маленьким. Никто тебя не слушает. Все решают взрослые. И бабушку жалко», – думал, глотая слезы Сережа. Он видел, как бабушка пила капли, а потом долго махала рукой, прощаясь. Она его очень любит. Сережа решил: когда вырастет, то заберет ее к себе. Надо не только о маленьких детях заботиться, но и о стареньких бабушках тоже.

ТАТЬЯНА АНТРОПОВА

ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК

Было это в шестидесятых годах прошлого столетия. Тогда ещё деревня жила небогато, но с надеждой в светлое будущее. В совхозах строились коровники, увеличивалось стадо. В каждом дворе подсобное хозяйство: корова, телёнок, овцы, свиньи, птицы без счёта. Деревня сама себя кормила. Работали от мала до велика от темна до темна. Дружно жили, как одна большая семья, воспитанием занимались тоже сообща. Попробуй пройди мимо старшего да не поздоровайся, или место не уступи. Такую беседу проведут, так пристыдят, что потом долго помнишь.

Бывали среди деревенских и чудаки. Жители деревни за порядком следили сами, на сходах нерадивых: пьяниц да лодырей – прорабатывали. Гришка, деревенский пьяница и лодырь, считал себя артистом. Чего только не выдумывал! Старожилы помнят, как он появился в деревне.

Маруся рано овдовела. Хозяйство держала, излишки на базар в райцентр возила. Дитя бог не дал. Жила одна-одинёшенька. Однажды из очередной поездки привезла с собой мужичонку. Бабы судачили: «Господи, доходной-то какой! На помойке, что ли, нашла?» «Доходной не доходной, но зато молодой, - вторили другие. – В хозяйстве помощник». «Ага, помощник! Из чашки ложкой...» - злословили третьи.

Гришка менялся на глазах: обстиранный, накормленный, лицо округлилось. Стал ходить по деревне с высоко поднятой головой, частенько навеселе. Управляющий отделением совхоза пригласил Марусю на беседу.

– Что же ты, Мария, мужа своего на работу не устраиваешь? Рабочие руки везде нужны. Профессии-то он какой обучен?

– Не знаю, – смущённо ответила женщина. – Говорит, что нет здесь для него работы.

– Артист, что ли? – улыбнулся Николай Павлович. – Извини, театра ещё не построили. Давай, завтра отправляй его ко мне, подберём работёнку!

Куда только его не пристраивали. Ну не любила Гришку работа, а он её – тем более! Так и пристало к нему прозвище – артист.

Фёдор, Гришкин сосед, смолоду стал терять зубы. В больницу не обращался. Некоторые болели и выпали. Несколько он сам плоскогубцами вырвал. К своим пятидесяти годам выглядел беззубым стариком. Глядя, как отец всю жизнь мучается с зубами, сын Алексей не случайно выбрал профессию зуботехника. Отцу, конечно, хотелось видеть его механизатором в совхозе, как он сам, но мать одобрила выбор сына. И вот, пожалуйста – выучился! Живёт в городе, квартиру получил, женился. Агрофёна очень гордилась сыном, рассказывала:

– Отца в город зовёт, хочет ему зубные протезы сделать. Говорит, не позорь, папка, меня. Скажут: у зуботехника отец без зубов...

К управляющему ходил, просил отпуск для отца. Сам Фёдор ни за что не пойдёт просить. Фёдор заволновался, его редко вызывали в контору.

Управляющий встретил с улыбкой:

– Ну, давай, Фёдор, поезжай в город, вставляй себе зубы. А там, глядишь, и мы последуем твоему примеру. До уборочной ещё время есть!

Почти месяц прожил Фёдор в городе у сына. Приехал с зубами, помолодев лет на десять. Весь вечер жена расспрашивала мужа про городскую жизнь.

– Ничего хорошего в городе. Сидят бездельники как птицы в клетке, оправляются и то в квартире, срам! Хорошо, что у сватов дача, там я и спасался, на рыбалку со сватом ходили, на огороде работали. А то бы со скуки помер.

Утром Гришка, узрев, что соседка погнала в стадо корову, чуть ли не бегом устремился к Фёдору. Фёдор лежал на кровати, на столе стояла полулитровая банка с водой, а в

ней лежали верхняя и нижняя челюсти. Григорий знал, что сосед поехал вставлять зубы, но представить не мог, что челюсти вместе с зубами вынимаются изо рта. Он потрогал свои челюсти – не шатаются, крепко сидят. Тем временем хозяин открыл глаза и увидел соседа. Гришка, долго не раздумывая, сразу выдал:

– Фёдор, так это дело обмыть надо, – кивнул он на банку.

– Давай, я за чекеном сбегаяю.

– Куда? Магазин ещё закрыт.

– Да я к Филипповне домой. У неё на экстренный случай всегда дома есть.

Фёдор достал из пиджака деньги – остались от городской жизни. Отсчитал рубль сорок четыре копейки, протянул Гришке. Гришка, радостный, бежал в сторону селпо, не чуя ног. Филипповна жила рядом с магазином.

Груня встретила мужа во дворе.

– Ты чего встал?

– Помочь тебе хочу!

– Ладно, отдыхай, сама управлюсь с хозяйством.

Вернувшись с управы, женщина удивилась:

– Это надо же, как у вас всё организовано получается?!

Мужчины сидели за столом, дымилась поджаренная яичница, нарезана колбаска, что сын в гостинцы прислал, огурцы-помидоры лежали целиком. И, конечно, во главе стола стоял чекен.

– Присаживайся, Агрофёна, с нами, – почувствовав себя хозяином положения, пригласил Гришка.

– Премного благодарна, но только мне на работу пора, – язвительно ответила хозяйка и пошла переодеваться.

После чекена с водкой была самогонка. Сколько продолжалась встреча не помнит никто. Проснулся Фёдор с дискомфортом не только в голове, но и во рту. Во рту чего-то не хватало. Не хватало верхней челюсти. Пошарив на подушке и под подушкой, мужчина заволновался: куда она пропала? Поползал на коленках возле стола – нет. Не найдя пропажу, отправился к Гришке – может тот чего помнит?

Григорий лежал на полу, на животе, видимо, сил дойти до кровати не хватило. Растормошив соседа, Фёдор с надеждой в голосе спросил:

– Гриша, ты не знаешь, куда я верхнюю челюсть дел?

– Не! А чо, потерял?! – подскочил Гришка. Увидев под собой лужу, сходу придумал оправдание своему конфузу:

– Пил воду, ковшик на себя опрокинул, видишь – намочился. Да ты, Фёдор, главное – не расстраивайся. Найдём твою челюсть! Переодеться мне надо, – зашёл за печку и стал снимать брюки. Что-то брякнуло, вывалилось из кармана. Гришка с торжественным видом вышел из-за печки, держа двумя пальцами Фёдорову челюсть. – Нашлась твоя пропажа!

Фёдор протянул руку, но Гришка протез не отдал.

– Его обработать надо спиртом, в крайнем случае – самогонкой. Пойдём к тебе, а вдруг на нём какой микроб сидит?..

Женщина спорить не стала, налила для обработки полстакана самогона. Манипулятор перелил его в чашку, поболтал в ней протез. Опустил в банку с водой, где лежала нижняя челюсть. Самогон снова перелил в стакан и залпом выпил.

– Вот теперь полный порядок, сосед. Помог, как мог, до свиданьица! – откланялся и удалился.

Анна Ивановна, деревенский почтальон, остановилась у дома Ермаковых, чтобы выложить газеты и журналы, которые еле вмещались в почтовый ящик. Один журнал «Роман-газета» сколько места занимал, а ещё Ермаковы выписывали газету «Правда», для ребятишек журнал «Пионер» и «Мурзилка». Следующий дом Гришкин. «У этого обалдуя ящика почтового нет – придётся газету в отверстие в заборе закинуть, – подумала Анна Ивановна. – Зачем газету выписывает, ведь точно не читает. Наверно, на самокрутки из махорки использует. Табак-то точно выращивает...» Мысли её прервала Клавдия. Клавдия ждала письмо от сына, служившего на флоте, и окликнула почтальона:

– Ивановна, мне письмо есть?

– Сегодня нет, - ответила почтальон.

Клавдия присела на скамейку, стоявшую возле палисадника, и пригласила Анну отдохнуть. Сумка почтальона была почти пуста. «Можно отдохнуть немного», – подумала Анна, располагаясь возле Клавдии. Не успела женщина вытянуть уставшие ноги, как сидевшая рядом толкнула её в бок.

- Глянь-ка, глянь, вот страмец! – почти шёпотом произнесла Клавдия.

Анна Ивановна повернула голову в ту сторону, в которую смотрела Клавдия. Через дорогу переходил Гришка – в чём мать родила! – и нёс вёдра на коромысле.

– Здорово, бабоньки! – хохотнув, сказал он.

– Ты что же комедию разыгрываешь, артист непутёвый! Ты что думаешь, мы мужиков голых не видали? Вызовем сейчас участкового, сядешь на пятнадцать суток за хулиганство, – не унималась Клавдия.

- Да вы что, бабоньки, так вот получилось. Пришёл в баньку, разделся, гляжу – а воды холодной в бане нет. Дай, думаю, по-быстрому за водичкой к Фёдору сбегаю. Откель я знал, что вы тут расселись, – поставив вёдра и прикрыв ладошками интересное место, оправдывался Гришка. Сунув ему в подмышку газету, Анна Ивановна сказала:

– Иди уже, иди в свою баню, а то ещё, неровён час, кто-нибудь увидит...

Женщины демонстративно отвернулись.

– А про баню он точно соврал – сегодня среда, какая баня? – возмутилась Клавдия.

Поднимаясь со скамейки, Анна вздохнула:

– Чудак-человек!

На следующий день деревня гудела про Гришкин спектакль, он обрастал всё новыми подробностями. А Гришка радовался – на деревенском сходе точно без внимания не останется...

ТАТЬЯНА ГОРБУНОВА

БЕЛЫЙ

2010 год выдался голодным и неурожайным не только для людей, но и для лесных обитателей, зверей. Стояла невероятная летняя жара. Даже в тени градусник показывал около 40, а что тогда на солнце? Лишний раз без нужды и выходить-то не хотелось. В самом городе Воронеже от такого раскалённого воздуха некоторые люди падали в обморок, молодёжь пыталась купаться в фонтанах, и глядя на них, было как-то не смешно, а страшновато. В полях и на лугах от жгучего солнца трескалась земля. В горячей, обезвоженной, гасла всякая жизнь. Клубни молодой картошки в такой земле просто запеклись, как в духовке. Больше месяца ни единой капли дождя! Горели хвойные воронежские леса. Так полыхали впервые за все сто лет. Огонь шёл не только низовой, но и верховой. С огромной силой и страшным гулом перекидываясь с одной сосны на другую, которые в минуту сгорали как спички, оставляя дымящиеся пеньки. С пожаром боролись все, кто мог. Были привлечены: пожарные, МЧС, войска, авиация, население этого района. Трудно было остановить этот шквал огня. Сгорело несколько населённых пунктов, их не смогли отстоять. Вся эта стихия подступала к городу. В областной больнице, которая была первой на пути, больных уже готовили к эвакуации. И только в нескольких километрах от больницы, с большим трудом удалось всё-таки остановить этот огненный смерч, пожирающий всё на своём пути.

Я на следующий год была в этих местах. Было больно смотреть на это обугленное кладбище сгоревшего леса, на чёрные пеньки бывших деревьев. А сколько здесь погибло лесных животных, не успевших спастись? Да и можно ли было успеть в этом аду?

В этом году и осень-то выдалась ранняя. На улице уже смеркалось, когда Лена с мужем возвращались домой. Муж,

хорошо подвыпив в гостях, дома быстренько улегся на диван и засопел. Она же, поставив чайник на огонь, пошла к окну посмотреть, что случилось с собаками (их было две), которые неистово лаяли и рвались с цепи. Они охраняли двор, а также сарай, где держали кур. В этот самый момент что-то большое, рыжее юркнуло в будку кобеля по кличке Белый. В секунду хозяйка оказалась во дворе, торопилась узнать кто это и что это там происходит. Когда до будки осталось шага два-три, из неё на Лену кинулась большое, со страшным оскалом рыжее существо – лиса. Это только и успела увидеть молодая женщина. На лету, в последний момент, который разделял хозяйку и зверя, Белый успел вцепиться в холку лисы и начал её трепать, а та, стараясь вырваться, пыталась укусить пса.

Прибежав домой Лена растолкала мужа. Пока нашли лом, выбежав во двор, они увидели только мелькнувший хвост лисы, которая смогла улизнуть через будку пса, в которой он когда-то успел вырыть яму. На улице лису встречали лаем уже собаки с других дворов.

Утром хозяева осмотрели собак, которые были все в крови и сильно покусаны лисой. Возможно, зверь был бешеный, а может очень голодный, что решился на такую небезопасную выходку. Ветеринара в посёлке нет, а собак оставлять было опасно: дома маленькие дети. Животных пришлось застрелить. Лена плакала, ей было жалко Белого. Он спас ей жизнь, а его пришлось этой жизни лишить.

Леса в округе сгорели. Выжившим лесным зверям стало голодно, как-то надо было выживать, поэтому и вылазки в населённые пункты повторялись. Вот и эта, по всей видимости, голодная лиса почувствовав запах кур решила на такую схватку.

САРАИ

Мария поднялась как обычно, рано. Надо было подоить козу, отвести на лужайку пастись. Подоив корову, отправить ее в стадо.

Солнце вставало, занялось все небо. Лучи нежно касались всего, говоря: доброе утро всем!

Вроде и управилась. Взяла ведра с молоком, собралась уже идти домой. В испуге вскрикнула: «Ба!» Ведра выпали из рук. Одно из них, поменьше, опрокинулось, и молоко быстро хлынуло на землю. Образовалась целая лужа. Откуда-то появилась кошка, с удовольствием взялась лакать эту лужу. «Господи, что же это такое творится? Да как же это?» - всплеснула руками.

Как и у всех, у них тоже был погреб, только чуть поодаль от сараев. Стоял себе, стоял. Летом он был не востребован, хранить было нечего, поэтому, что там творилось – никто и не знал, и не думал. Но факт есть факт – был погреб вчера, сегодня уже его нет. За одну ночь исчез.

С осторожностью пошла к месту стоявшего погреба, ещё надеясь: что-нибудь оставили там, не унесли. Ее взору открылась картина: и солома, и балки, составляющие основу погреба, были все здесь – в яме. Также в яме копошились кролики, их было так много, некоторых, видимо, придавило балками. Это они накопили столько нор, что погреб не выдержал, просто съехал в яму. Значит, это не воры потрудились, а эти шустрые кролики. Они были разного возраста: и маленькие, и большие, и разной расцветки.

Недолго думая, хозяйка поспешила домой к детям, которые ещё крепко спали, еле сдерживая свой гнев. Разбухла.

– Кто из вас развел в погребе кроликов?

Сонный Юра плаксиво заговорил:

– Мам, это я принес трех кроликов, мне дали. Бросил их в яму. Я их кормил...

– Как это будешь делать – не знаю, но чтоб новая яма за лето была выкопана!

Наверное, за полмесяца, вместе с пацанами Юра все-таки выкопал эту злосчастную яму. Мать вкопала столбы, забетонировала. И построили новый добротный погреб, который в сто раз был лучше прежнего.

Было только непонятно, для чего мальчик кроликов-то взял, крольчатину в семье не ели. Наверное, было интересно, как же эти существа живут?

ЕЛЕНА КОРОЛЕВА

ТРУБОЧКИ С КРЕМОМ

Унылый зимний пейзаж плыл за окном автобуса. Бывают такие дни безрадостные... От зимы уже все устали, а конца ее не видно. Если настроение плохое к тому же, глаза бы ни на что не глядели. Я смотрела в окно на поля со слежавшимся снегом, на кусты у грязной дороги и на серое небо, низко висящее прямо над дорогой. В автобусе было очень жарко, бензиновый запахок ясно ощущался, и вскоре меня замутило. Автобус въехал в Назарово, остановился у какой-то остановки, и я поспешила выскочить на воздух. Отдышавшись и даже немного замерзнув, я хотела вернуться в автобус, но он оказался закрытым, и водитель куда-то ушел со своими бумажками. Я потопала ногами и огляделась. Люди шли мимо, а рядом с автобусом стояла парочка, которая почему-то привлекла мое внимание. Мужчина и женщина были возрастом близким к семидесяти. Я присмотрелась. Мужчина что-то тихонько говорил своей спутнице и ободряюще улыбался, придерживая ее за локоть. Я еще присмотрелась и узнала сапоги, что были на женщине. Широкий толстый каблук и тупым носом. Сейчас старомодные, а тогда, во времена всеобщего дефицита, их было не достать: распределялись они только по талонам. И дубленки на мужчине и женщине были старыми, добротными. С восьмидесятых. И встала вдруг передо мной их жизнь. Наверное, они приехали работать на молодую Назаровскую ТРЭС студентами: распределение получили в одно место. На работе и познакомились, потом поженились. И жили сначала в веселом молодом общезитии, где праздники собирались, и в походы ходили все вместе и песни пели у костра под гитару. А костер жгли у речки, и такими яркими были звезды в темном небе и в речной воде и было их так много, и все светило для них, и любовь была друг к другу сумасшедшая. Работали, наверное, инженерами или проекти-

ровщиками, и работа была в радость, и отдавались они ей полностью, так, что и детей много заводить не стали, только сына одного родили. И квартира появилась новая в Бору со светлыми окнами. И сосновый воздух по утрам вместе с солнцем вплескивался в эти окна. И уверенность была в будущем - своем и страны. И Родину любили, и верили, что так много работают для ее блага, и был в этом смысл, и все это было - счастье. Вот так вдруг нахлынуло на меня прошлое, ведь и моя молодость пришлась на эти годы. Только я была помладше их, этого мужчины и этой женщины. Пришел водитель, и я села на свое место.

– Купите трубочки, – раздался над моей головой тихий голос. Рядом стояла она, женщина в дубленке, и держала в руках поднос с вафельными, начиненными кремом трубочками. Я покачала головой растерянно, и она пошла дальше по автобусу. Трубочки никто не купил. В бензиновой духоте и жаре есть никому не хотелось, и женщина вышла. Автобус тронулся и медленно поехал вдоль дорожки, по которой шли они, мужчина нес сумку и держал под руку женщину. Понуро сторбившись, шли они потихоньку вдвоем, и я представила, как вернутся они в свою старую квартирку, когда-то казавшуюся большой и светлой, а на самом деле - маленькую и темную. Заглянув в почтовый ящик безнадежно, писем от сына нет, он только звонит иногда. Никто не пишет сейчас писем. Они сядут на кухне пить чай и будут вспоминать, что совсем недавно, только вчера, на этой кухне пришла кому-то из них несчастная мысль: именно так поправить свои дела. Так устали от безденежья, хоть коммуналку бы прикрыть. А как? И она решила, что испечет, что-нибудь и попробует продать. Ведь вкусно же, и сын любил, не может быть, чтобы люди не купили. И они стали планировать, где продавать, чтобы знакомые не увидели, и придумали автобус с проезжими, незнакомыми людьми. И радовались, и боялись, и стало весело, интересно, авантюрно. Только непривычно и как-то совестно ей было торговать, а он ее подбадривал, и шутил, и ждал, когда выйдет из

автобуса, и увидев ее лицо, молча взял из ее рук поднос, спрятал в сумку, и они пошли. А может, и не так все было, но мне было жаль, что не купила трубочку с кремом у этой растерянной женщины. Съела бы потом.

КОСОГЛАЗАЯ

В наш город приехал цирк. Я обрадовалась, так вдруг захотелось праздника. Моя жизнь тогда была бедна событиями – семья, работа, маленький ребенок. Городок наш тихий, провинциальный, из развлечений всего то и было что изредка кино. И вдруг, яркие афиши по городу: звери, клоуны и прочая цирковая блестящая шумиха. Муж принес билеты, которые стоили по тогдашним меркам недешево, и я с нетерпением ждала выходных, как маленькая. Вдруг новость: в субботу намечается свадьба сестры жены старшего брата мужа. В те далекие времена, кроме праздничных демонстраций, у людей было три важных, крупных события в жизни: свадьбы, похороны и проводы в армию. Увильнуть, отмахнуться было невозможно, тем более, что мать невесты сказала:

– Не придете, вы мне не родня, на всю жизнь обижусь.

Как мне было жаль пропустить цирковое представление, но делать было нечего. А муж уже радостно предвкушал выпивку, закуску, разговоры с приятелями за жизнь и спорт и прочие немудрящие развлекушечки.

Держа билеты в руках, я вышла и села на скамейку у подъезда. Небольшая стайка ребятишек галдела рядом.

– Дети, кто хочет пойти в цирк? - спросила я.

Раньше всех ко мне подскочила чумазая смуглая девчушка с плохо заплетенными косками. Я знала, что живет она в соседнем дворе. Мать ее большая одышливая женщина, с таким же смуглым лицом, была всегда угрюмой. Девочка страдала косоглазием. Один зрачок был сильно сдвинут к переносице.

– Ну, беги к маме. Спроси, купит ли она билеты – сказала я ей. Не прошло и минуты, как девчушка прилетела обратно.

– А сколько стоит? – услышав ответ, ринулась обратно. Прошло минут пять. Загребая ножками, всхлипывая, она подошла ко мне.

– Мамка говорит, денег у нас нет на всякую ерунду, – и, уткнувшись лицом в ладошки, заголосила горестно:

– Там обезьянки буду-у-у-ут!

В ее голосишке слышалась такая же тоска по яркому празднику, как и у меня.

– А ты возьми билеты просто так, – сказала я ей. – Скажи маме, что тетя подарила, и идите с ней вдвоем.

Девчушка уставилась на меня, потом неуверенно заулыбалась, теребя подол застиранного ситцевого платышка в горох. Нерешительно протянула грязную ручонку. Я отдала билеты и обняла ее бедную и зареванную. Доверчиво прильнув ко мне, окончательно поверив в мое участие, она вдруг горько пожаловалась:

– А чего они, – кивнула на остальных детей. – Все время дразнят меня – косоглазая, косоглазая.

– А ты запомни, – сказала я. – Вот вырастешь, вылечат тебе глазок твой, и станешь самой красивой в нашем дворе. Поняла?

В ответ я получила доверчивую сияющую улыбку окончательно счастливого ребенка. Я смотрела ей вслед, а она легко подсакивая, пустилась бежать домой, крепко сжимая в руке цветные бумажки.

Где она сейчас, эта девочка? Лет тридцать пять ей, наверное. Как сложилась у нее судьба, не знаю. А вспоминаю всегда тепло-тепло и верю, что все с ней хорошо и стала она до невозможности красивой, как мы с ней тогда загадали в нашем дворе.

ДОЛИНА РОЗ

В Кисловодск из Ессентуков мы, отдыхающие, ездили за солнцем. По утрам, выходя на балкон санаторной комнаты, я ничего не видела из-за густого тумана. Все кругом было в дымке: деревья, беседки, оплетенные красными осенними листьями дикого винограда, и стела с воительницей со щитом и мечом – Викторией. И тогда мы с напарницей спешили к электричке. Через десять минут езды поезд вырвался из слякоти и несся под ярким, слепящим, непохожим на сибирское солнцем. Мне объясняли, чем вызвано почти круглогодичное кисловодское солнце: что-то ветрах, распадках и влиянии горы Эльбрус – что-то неромантичное совсем. А Кисловодск с его бульваром, рукотворным парком, кружевными мостиками, дворцами, неповторимой смесью старины и современности поразил меня, я влюбилась в него и часто приезжала погулять и подышать особым, неповторимо чистым воздухом. В описываемый день мы с приятельницей решили посетить Долину роз. Идти надо было все в гору, в гору, мимо красных камней, синих камней, обязательного орла, терзающего змею, – символа всех курортных городов Кавказа. И вот мы у цели. По сторонам тисовой аллеи на несколько километров раскинулись клумбы с розами. Нетрудно было вообразить это место летом, в розовом цветочном буйстве. Сейчас бутоны отцветали, но их было все еще много: маленькие и большие, нежные, яркие, белые, красные, розовые, желтые, пурпурные... Я схватила фотоаппарат, но снимки все равно не передавали живой и нежной красоты, бархатистости лепестков и капелек влаги на них. А после, сев на одну из скамеек, я, отдыхая, смотрела на голубое небо и на резко очерченные на его фоне темно-зеленые тисы.

Рядом кто-то присел. Это был старый человек в фуражке и пиджаке бурого цвета. Воротник рубахи подпирал темный галстук с вечным узлом, у моего отца был такой. Старик сказал:

– Вот, только что в гору поднялся, так тяжело было, а я все равно за ветки хватался и дошел. Ну, зато стихи сочинил, – и протянул мне тетрадный листок в клеточку. Стихи были неважными, меня удивило другое.

– Сколько Вам лет? – спросила я.

– Восемьдесят шесть, – с готовностью откликнулся мой собеседник. Запавшие маленькие черные глаза, худое старческое лицо, вся фигура, с несогнутой годами спиной, излучали радость: вот, на гору взобрался, стих написал, солнце кругом. Старик запел. Пел он разные песни, какие ему на ум приходили:

– "Хвастать, милая, не стану", "У церкви стояла карета", и какую-то знакомую мне с детства, с присказкой:

– И тебе, и мне хорошо.

Частушки спел, я, как водится, запомнила самую остро сюжетную:

– Мне мама говорила: ходи осторожно, под машину не ложись, под шофера можно...

Отдыхающие шли мимо и удивленно смотрели на нас, меня и бедно одетого старичка рядом, который чистым тенорком, без старческого дребезжания, выводил:

– Вот и встретились два одиночества...

А я наслаждалась ситуацией: сидит человек, поет у него душа, и именно меня он выбрал, чтобы радостью своей поделиться.

– Я, милая, в городе Благодарном живу, недалеко отсюда, – рассказывал он мне, произнося "г" по-украински мягко.

– Езжу каждый год в санаторий. Ветеран войны, а как же. Воевать пошел в сорок втором, бату и брата убили уж, ну и я на войну подался, семнадцать лет мне было тогда. До Румынии дошел, там меня и шваркнуло, руку оторвало, хорошо левую. А я всегда пел. С Тоней, женой, троих детей вырастили, умерла три года назад. Лежала несколько лет после инсульта, тяжело нам с ней было, все смерти у меня просила, а я ей:

– Тоня, ну как же можно, – плачу, да песни ей все пою.

– Так-то хорошо сейчас живу, внуки навещают. У одной внучки муж – военный майор, в гости все зовет, погощу и обратно еду домой. В санаториях выступаю, про войну рассказываю, нас-то таких с той войны мало осталось. Меня уж знают там, уважают, приглашают, – радостно поделился он со мной.

– В конкурсах участвую всегда и выигрываю, а что ж они, молодые, разве могут хороший стих написать, а я запросто, вот сяду, подумаю и напишу. И так слова иногда из меня просятся, записываю, записываю... Вот вчера выиграл состязание. Чайник мне подарили за тысячу рублей, да много подарков всяких. А я такой, не унываю, жить-то хорошо, смотри кругом – красиво как.

И запел про милую, крылечко, платочек, притопывая ногами в защитного цвета брюках, видно, подарок майора, сильно подогнутых и подшитых неумелыми стежками насквозь.

– Ну, ладно, милая, пойду я, обедать не опоздать бы, – попрощался старик и бодро засеменял по тисовой аллее.

– Хвастать, милая, не стану, знаю сам, что говорю, – донеслось до меня тихонько. Я успела его сфотографировать, когда уходил от меня. На память. Чтобы стыдно было хоть иногда за мое порой беспочвенное уныние, вялость и небрежность, за то, что забываю ценить бесценное.

Спасибо, старый человек, что присел ко мне на скамейку в Долине роз.

ЕКАТЕРИНА НАНДЫШЕВА

ПОПУГАЙ

Бабушка с внучком Святославом зашли в Абаканский музейный центр. Вдруг раздался очень громкий, дикий крик.

– Кто у вас в музее так сильно кричит?

– Попугай, у нас выставка мини-зоопарка, – ответила билетёрша.

– Хочу посмотреть попугая, – заявил мальчик.

– Дайте два билета ещё и на выставку.

Осмотр центра решили начать с выставки. Только зашли в павильон, как опять раздался истошный крик. В глаза бросился огромный красный попугай около метра ростом. Он сидел на клетке. Наверное, ему что-то не нравится, раз он так дико кричит. Полюбовавшись этим красавцем, они пошли смотреть других попугаев и птиц. Дойдя до последней клетки птичьего ряда, остановились возле ярко-зелёного попугайчика, она прочитала Славику название птички, посмотрели немного на этого красивого попугайчика. Пошли дальше к следующим клеткам.

– Привет, – чётко сказал попугай.

Они резко развернулись и пошли к попугаю.

– Привет, красавчик, как ты умеешь красиво говорить слова! Скажи нам ещё разок: «Привет».

Попугай сидел в кольце боком к посетителям и косил на них левым глазом. На уговоры он не реагировал.

– Ну, скажи нам – привет!

Птица молчала и наблюдала за людьми. Мальчик потянул бабулю за руку. Ему хотелось идти дальше. Они развернулись идти дальше. Сделали по шагу вперёд.

– Привет, – опять вымолвил попугай.

– Баба, давай поговорим с ним, а то ему скучно.

– Привет, привет! - улыбаясь попугаю, произнесла женщина. – А скажи ты нам: «Привет, привет!»

Попугай молчал искоса поглядывая, делая вид, что он их не замечает. Она несколько раз обратилась к птице.

– Ну не хочешь с нами разговаривать, мы пойдём дальше.

Они развернулись и пошли дальше.

– Привет, привет! – произнёс попугай.

Они обернулись, птица, повернув голову, смотрела им вслед. В это время опять заорал красный попугай, как будто ревнуя, что ему не уделяют внимания.

– Давай, баба, ещё вернёмся, он поговорить хочет с нами.

Они опять вернулись. Птица, увидев, что они возвращаются, повернулась к ним боком, продолжая искоса наблюдать за ними.

– Какой ты хитрец, однако. Любишь обращать на себя внимание? Ну, скажи нам ещё: «привет, привет!», ты так красиво говоришь, дружок.

Попугай молчал, наблюдая за ними. Маленькому мальчику надоело ждать ответа, он потянул женщину дальше.

– Привет, привет! – крикнул попугайчик.

Они обернулись, помахали ему руками на прощанье, пошли дальше.

– Привет, привет! Привет, привет! – несколько раз крикнул попугай, зазывая их вернуться поговорить, но мальчик не хотел долго ждать слов от птицы и возвращаться больше не стал. Впереди их ждали новые зверушки.

РЫБАЛКА

В Казахстан мы приехали в гости к родителям Виктора. В Бухтарме, в двух километрах от городка, находилось Бухтарминское водохранилище. Вода там летом всегда была теплее, чем на Чёрном море. Мы собирались там провести часть отпуска. На второй день под вечер приехал на машине Владимир, старший брат Виктора, со своим восьмилетним сыном.

– Завтра едем на рыбалку в Зайсан, – заявил он.

– Запросто, люди мы от работы свободные, нам где-то надо отдыхать, – согласился Виктор.

– Порыбачили бы на Бухтарминском море, оно под боком и не надо ехать за тридевять земель, – возмутилась я.

– Там лещ хорошо клюёт, – стоял на своём Вовка. – Я, наверное, не поеду с вами.

– Что ты здесь будешь от жары страдать, там хоть купаться будешь, – уговаривал Володя.

Рано утром мы впятером, загрузив машину под завязку туристическими принадлежностями, поехали на залив Зайсан. Дорога была долгой. Доехали до паромной переправы. Загрузились на паром и переправились на другой берег. Выгрузившись с парома, ещё очень долго ехали до места стоянки.

Как только приехали, я начала готовить обед на костре. Мужчины начали ловить мальков для наживки лещей и судаков. Жара стояла невыносимая. Днём все купались и загорали. Я не успевала отходить от костра. На свежем воздухе мужички ели хорошо. Варить приходилось утром, в обед и вечером: они съедали всё. Меня это начинало притомлять.

«Так вот почему Вовик настаивал, чтобы я поехала с ними. Им нужна была кухарка и посудомойка», – подумала я. Но убежать с берега уже было невозможно. Витёк взял с собой несколько бутылок водки, в жару никто с ним выпивать не соглашался, лишь дед вечером иногда составлял ему компанию. Первые три вечера были не слишком удачные. Улов был небогат. Всё, что оставалось от питания, Володя засаливал в ёмкость. Четвёртый вечер их ждала удача.

– Ужин готов, идите ужинать! – крикнула я им.

– Попозже будем ужинать, рыбалка хорошая пошла, – ответил муж.

Все рыбачили с азартом. Я побродила по берегу, искупалась и решила доплыть до лодки мужа. В лодке у него была запасная удочка.

– Насади мне наживку, я тоже попробую порыбачить.

Выдернув очередного леща, он нанизал червяка на крючок. Я булькнула его в воду и жду, когда клюнет. Он зарядил наживку на свою удочку, плюнул на неё и закинул удочку подальше. Только крючок долетел до воды, как его поплавок начал клевать.

– У тебя рыба клюёт!

– Вижу, вижу.

Он вытащил очередного леща, нанизал, плюнул и моментом поймал рыбу. На мою удочку никто не ловился. «Это я не плюнула на приманку», - подумала я. Вытащила крючок, плюнула и кинула опять в воду. Поплавок опять купался в воде без всяких признаков клёва.

– Наверное, рыба у меня не клюёт, потому что я с вами не выпивала.

– Не знаю, почему она у тебя не клюёт.

Я вытащила наживку, поднесла к губам мужа.

– Плюнь на неё, вдруг поймаю?

Только крючок долетел до воды, как поймался лещ. Нанизав сама наживку, чтоб не отвлекать Виктора, я опять попросила его.

– Плюнь своим перегарчиком, может, ещё поймаю.

Он плюнул и моментально поймался второй лещ.

– А рыба тоже любит выпить, – сделала я вывод.

– Выпить любят многие живые существа, даже мухи на вино летят.

Началась сумасшедшая рыбалка. Мы только успевали таскать лещей. Я вошла в азарт. Это так затягивает. Но очень быстро опустился вечер. По темноте не стали рыбачить. Пока я накрывала на стол, Владимир засолил рыбу. Получилась полная ёмкость.

– Завтра едем домой, рыбу солить больше некуда, – произнёс он.

– Утром можно порыбачить, может, доведём, не пропадёт. – произнёс дед. А утром рано пошёл дождь, и нам пришлось возвращаться домой.

ЛЮДМИЛА НОВИКОВА

МОДНЫЙ ПРОМЕНАД

Однажды к нам приехала старшая сестра Валентина. Я сразу же начала придумывать, чем удивить гостью. А она, недолго думая, достала из сумочки телескопические палочки для скандинавской ходьбы и сказала:

– Помнишь ты говорила, что скандинавская ходьба сейчас в моде?

– Ну да... И для здоровья полезно. Специалисты пишут, что такое движение с палочками тренирует и поддерживает в тонусе до 90% мышц, сжигает калорий намного больше, чем обычный терренкур. Из экипировки следует приобрести только специфические палки, одежда и обувь подойдёт любая.

– Давай-ка пройдемся стадиону, тут ведь совсем рядом, а вы и не посещаете, наверно? – предложила сестра.

– Один-ноль в твою пользу, – ответила я.

Мне пришлось срочно метнуться к соседке Вике и взять напрокат ещё одну пару палочек для спортивной ходьбы для себя.

Мы с Валентиной взяли инвентарь и, выйдя из дома во двор, сначала отрепетировали, как нужно правильно переставлять ноги и палочки, а затем двинулись к спортивному объекту. Пройдя несколько метров, встретили группу знакомых людей. Один из них поздоровался и спросил:

– Дамы, а вы что лыжи забыли дома, или как?

Но нас его вопрос нисколько не смутил. Посмеялись над собой от души и продолжили свой путь.

Спортивный комплекс освещался большим прожектором. Мелкие снежинки сыпались на нас из полупрозрачных облаков. Ядрёный мороз, белый скрипучий снег и звуки приятной мелодии, звучавшей через колонки, придавали особое настроение. Просто сказка для вечерней прогулки! Все бытовые проблемы сразу ушли на второй план.

Синхронно двигаясь по тщательно расчищенной беговой дорожке, мы отмечали каждый пройденный круг крестиком на обочине. Интересно, сколько пройдем в пересчете на километры?

Вдруг сзади кто-то громко дыша пошёл на обгон. Это был мужчина с голым торсом! Он бежал лёгкой трусцой с гордо поднятой головой. Из одежды на нём были только кроссовки и штаны. Это в двадцатиградусный-то мороз!?

– Во даёт! Это, что за вид спорта такой? – спросила Валя.

Я не растерялась и, шутя, но серьёзным тоном, ответила:

– У нас все спортсмены зимой так тренируются. А у вас?

– Один-один, – парировала сестрёнка, уравнивая счет.

Глядя на полуодетого атлета, мы ускорили шаг, но смогли догнать только двух девиц, идущих впереди нас. Познакомившись, разговорились. Обсудили здоровый образ жизни, перекинулись диетическими рецептами и способами снижения лишнего веса.

А Валентина всё оглядывалась, обеспокоенно спрашивая:

– Где же наш бегун? Замёрз, что ли?

– Да, кто в такой мороз долго сможет бегать? Вероятно, он давно сошёл с дистанции, – ответили женщины.

И разговор перешёл в другое русло – о мужчинах...

Закончив вечерний моцион, мы вернулись домой весёлые и изрядно проголодавшиеся, потирая красные щёки. Мой супруг к этому времени приготовил на ужин вкусное блюдо. И только после сытной еды, взглянув друг другу в глаза, мы с сестрой сразу вспомнили по диету, которую так рьяно обсуждали с новыми коллегами по физкультуре. В ответ на наш рассказ про необычного спортсмена муж, громко засмеявшись, заметил:

– Вам, женщины, это точно не подойдёт! Простудитесь ещё ненароком.

Конечно, такая тренировка – в полуодетом состоянии – многим непонятна, но мы завтра приоденемся потеплее и опять пойдём...

ОЛЬГА ПЕТРУШЕНКО

ПЛАТОЧЕК

Договариваясь о встрече с Алевтиной Ивановной, я думала ненадолго зайти к ней домой. Знала, о чем буду писать. Накануне по телефону было много оговорено из того, что должно поместиться в рассказ, в котором, как мне представлялось, смогу осветить одну из страниц большой книги жизни этой замечательной женщины. Причиной нашего знакомства и встречи явился предложенный заводской газетой конкурс с прозаическим названием «Подарок солдату», приуроченный ко Дню Советской Армии. В назначенный час мы встретились в ее небольшой уютной квартире. Алевтина Ивановна оказалась хлебосольной хозяйкой. Стол на кухне к моему приходу был уже накрыт. Ароматный запах разнотравного чая заполнял не только всю квартиру, но как мне казалось, присутствовал и на лестничной площадке у входной двери. Мои возражения и ссылка на занятость не имели успеха, и дальнейший мой план на день расстроился, даже не начавшись. После чашечки, и не одной, действительно превосходного чая с моими любимыми конфетами. Здесь наши вкусы с хозяйкой абсолютно совпали. Алевтина Ивановна неторопливо начала свой рассказ. А я, вооружившись ручкой и блокнотом, удобно расположилась в глубоком кресле напротив и приготовилась внимательно слушать. Не перебивая и не возвращая ее к непосредственной теме нашего разговора. Чувство внутреннего родства в тот момент объединило меня с этой немолодой женщиной: вместе прожить ее нелегкую, но такую насыщенную интересными событиями жизнь. Здесь, мой читатель, рассказ привожу от третьего лица. Это естественно и удобно.

– Помню все до мельчайших подробностей, как вчерашний день, – начала Алевтина Ивановна. Сразу после окончания десятилетки юной стеснительной девушкой пришла Аля на завод, который шефствовал над школой, где она

училась. Он и стал для нее родным и единственным на тридцать пять лет трудовой жизни. Алё приняла в сборочный цех, где ранее в девичьей бригаде она проходила производственную практику. О дальнейшей учебе на дневном отделении не могло быть и речи. Ей и так повезло. Старшим сестрам – Лидии и Любви – позволено было только окончить семилетку – и на работу.

– Надо приносить в семью деньги! А иначе на что и как жить, – всегда обеспокоено выговаривала мать.

Александра Степановна ее мама, неграмотная деревенская женщина, после скоропостижной смерти мужа осталась одна с тремя малолетними детьми. А недостроенный дом тяжким бременем лег на плечи этой суровой по характеру, но стойкой духом и еще физически крепкой женщины, на тот момент растерявшейся в свалившемся на нее горе.

– Маме было очень тяжело одной – хоть волком вой, – дальше продолжала Алевтина Ивановна.

И она выла по ночам, уткнувшись в подушки и, как ей казалось, втихушку от детей. Кто-то из великих сказал: «Как бы ни складывалась жизнь, идти через нее все же надо. Надо идти и надо пройти».

И они шли вместе, как подсказывало чуткое материнское сердце.

Алевтина Ивановна погрузилась в далекие и вместе с тем такие близкие только ей одной воспоминания. Взгляд ее больших темно-серых, как вечерние сумерки, глаз, опущенных частоколом длинных, но выгоревших на солнце ресниц, затуманился. Отрепившись от настоящего, пребывала она в мире своего нелегкого детства и юности. Молчание затянулось, но, спохватившись, она продолжила:

– Отвлеклась я, – заметила и сама хозяйка и как-то спешно закончила свой бесхитростный рассказ.

– Вот так и выросла, а дальше школа, работа на заводе, учеба, одним словом, жизнь.

Застенчивую девушку с большими серыми глазами, здоровым румянцем на щеках и вьющимися в кольцо волосами

пшеничного цвета, сразу заметил Володька Голубев – слесарь-сборщик соседнего участка. Это был под стать нашей героине интересный молодой человек. Высокий, статный, о таких в народе говорят «косая сажень в плечах», только почему «косая» объяснить не берусь. Копна густых темно-русых волос, тщательно убранных под белую, в цвет рабочего халата, шапочку. Это обязательное условие соблюдения правил техники безопасности при сборке радиоаппаратуры. Аля краснела, как маков цвет, и заливалась густым румянцем, когда их взгляды, как бы случайно встречались, и тут же опускала глаза. Это сейчас молодых людей знакомит сводник-интернет, да и в более близкие отношения они вступают, долго не заморачиваясь. А знакомство наших героев проходило и развивалось по иному сценарию. И во всей полноте состоялось на новогоднем молодежном вечере, в атмосфере праздничного настроения и возвышенного состояния сердечных чувств, захвативших целиком обоих. А уже потом были свидания и первые робкие поцелуи. Володя только внешне казался лихим парнем, но на самом деле был предметом воздыханий не одной девчонки.

Прошел год. Аля поступила и успешно училась на вечернем отделении местного техникума с громким названием Авиационный им. Н.Е. Жуковского. Володя активно готовился к службе в армии. По вечерам занимался в разных спортивных секциях, усиленно наращивая мускулатуру. Параллельно осваивал разные техники борьбы на случай постоять и не только за себя. И как бы ни двигалось время в молодости, это с возрастом оно ускоряется и уже летит тем быстрее, чем больше прожитых лет. Пришло оно и к Алиному другу с повесткой в военкомат.

На заводе праздник проводов молодых людей в советскую армию всегда проходил торжественно и с размахом. В большом актовом зале клуба «Радист» собралось много народу: от администрации и руководителей общественных организаций завода до приглашенных ветеранов труда, призывников и их родных. Официальная часть торжества уло-

жилась в регламент, вмещая в себя и ответное слово новобранцев в лице нашего героя – Владимира Голубева. Памятные подарки, легкий фуршет и танцы под заводской оркестр в холле клуба – стали приятным завершением праздника. На вечере Володя познакомил Алю с родителями. Отца – Григория Александровича – она знала, он работал в одном цехе с молодыми людьми. Электрик высшего разряда отвечал за бесперебойную работу большого электрохозяйства цеха. А вот Анну Степановну Аля видела впервые.

– Медсестра детской поликлиники – так в разговоре еще при первом свидании заочно представил Володя свою маму. Приятная внешность и открытая улыбка с такими же искорками в глазах, как у сына, она сразу расположила к себе девушку. Женщина с интересом, но неназойливо рассматривала Алю. Они познакомились. Шампанское и приподнятое настроение быстро сняли некоторое напряжение, а красивые мелодии популярных песен под звуки живого оркестра приглашали всех к танцам.

На прощанье Алевтина подарила Володе красивый мужской носовой платок. Это был лоскут натурального светлого шелка, небольшой по размеру и необходимый для владельца любого кармана. Края платка оформлены мягким кантом, отстроченным темной шелковой нитью в один цвет с узкими полосками, переходящими рисунком в квадрат по всему полю. Мягкий, приятный на ощупь и радующий глаз, он еще побуждал желание прикосновения, обещая нежно струиться меж пальцев руки хозяина. Этот платочек, как маленькое связующее звено, которое должно было явиться передатчиком тонких и светлых энергий – флюидов – любимых друг в друга людей. Так мыслила Алевтина, даривая будущего солдата. Платочек со словами благодарности был помещен Володей в верхний наружный карман пиджака и кокетливо выглядывал, привлекая к себе внимание.

Так бы и закончился тот незабываемый всеми вечер прощаний, однако от внимательных глаз Анны Степановны не

прошла незамеченной новая деталь в костюме сына. На беззвучный вопрос материнского взгляда: «Откуда?»

– Подарок, – коротко ответил Володя.

Глаза Анны Степановны сразу погрузнели, искорки в них куда-то спрятались, улыбка с лица исчезла, а чувство возвышенного состояния и радости праздника померкло.

– А знаешь, деточка, – обратилась она к Але, – платочки дарят людям к разлуке. Так она была права. Разлука случилась. Вначале на два года. Аля дождалась возвращения своего парня из армии. Но вскоре их пути-дороги все же разошлись по бескрайнему полю жизни.

В случае с Алевтиной платочек, а скорее и не только он, стал причиной их расставания. Жизнь на Земле складывается по неведомым нам законам, а пути Господни неисповедимы.

ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

Еще задолго до своего дня рождения подруга предложила отметить его за городом. И после некоторых раздумий я согласилась отдохнуть с ней на Линевском берегу. Она – большой романтик и увлеченный человек, все свободное время независимо от погоды готова проводить на природе, увлекая за собой других. А еще подруга любит фотографировать интересные моменты своих путешествий.

Вот и сегодня мы выехали пораньше, чтобы приветствовать восход солнца, побродить по извилистым тропинкам, полюбоваться стройными березками с их сережками на тонких веточках. И, конечно, дышать, дышать и дышать чистым, пьянящим весенним воздухом, бесконечным, как сама жизнь. А база «Линевский берег», как и озеро с одноименным названием, радуют не только жителей города Шарыпово, но и его гостей.

Ранняя весна подарила нам яркий солнечный день. первую робкую зелень на проталинах, а пернатые дружным разноголосьем встретили наше появление.

Вода в озере еще дремлет под толстым, но уже подтаявшим слоем льда. Что небезопасно для любителей рыбной ловли, которые, как заколдованные, часами сидят над лунками в надежде на счастливый улов.

Несколько уставшие, но счастливые и умиротворенные после длительной прогулки с песнями по окрестностям, мы вернулись в свой номер. Праздник продолжился: танцы под музыку, доносившуюся из местного репродуктора, поочередное чтение стихов разных авторов, русская баня и особенный по случаю обед явились приятным завершением дня.

Для новичков открою секрет, что заказывать номера для отдыха и баню лучше заблаговременно. Вот так совсем недорого и доступно, что немаловажно особенно для пенсионеров, но содержательно и интересно, без лишних хлопот с приготовлением обильного застолья, развлечениями гостей, мы провели этот день. Перед отъездом присели на большие качели и, зажмурившись от еще яркого солнышка, блаженно наслаждались последними минутами отдыха. Подъехавший автобус, вернул обеих к действительности. День рождения удался. Поехали!

Линевский берег - такая благодать!
Здесь чистый воздух, развлечений кладь.
Ты непременно этот берег посети,
И душу с телом природой ублажи!

ЛАРИСА СЕРГЕЕВА

МЕТЕЛЬ

Вечерело. Клавдия Алексеевна, сидя у печи на низком табурете, задумчиво всматривалась в причудливую пляску огня. Мысли уводили ее в далекое прошлое.

За окном разыгралась метель, выстудив тепло в доме, который одиноко возвышался из-за сугробов снега на окраине небольшого села. Доносился неистовый лай собак.

Вдруг неожиданно в окно кто-то постучал: на мгновение появился лик незнакомой женщины и исчез. Клавдия Алексеевна, выдержав паузу, задернула на окне узорчатые занавески-задергушечки и вновь стала подкладывать поленья в печь. «Померещилось мне», – подумала она.

Из спальни, медленно ступая, вышел муж Николай Николаевич, держа в руке носовой платок. Нездоровилось ему.

– Вот разъехались наши дочери, и остались мы с тобой доживать до старости одни. Когда теперь свидимся с ними? – произнес он.

Вопрос повис в воздухе. Остановившись возле печурки, он стал всматриваться в блики огня, проникающие через щели дверцы печи.

Тишину нарушила Клавдия:

– Кто-то к нам сейчас в окно заглянул и постучал.

– Да кто в такую погоду может прийти, просто тебе показалось, – произнес он. – Мне вот что-то не спится, думаю, как же нашей Любочке живется? Ничего не сообщает, когда приедет, – и вновь замолчал.

Люба, одна из шестерых сестер в семье, окончила медицинское училище и работала в больнице небольшого провинциального городка на Кубани. После кончины родной бабушки снимала квартиру у одинокой бабули, как она ее ласково называла, помогая ей по хозяйству. Кровать, где спала Люба, стояла за шифоньером, на котором остались отверстия от пуль. Во время войны немцы, покидая станицы

и города, бесчинствовали, грабили людей. Бабуля показывала Любе те места в огороде, где она в то время прятала скудные остатки продуктов, зарыв их в землю. Приходя с работы, Люба коротала зимние вечера с бабулей, учась у нее мастерству в пошиве одежды.

Долгожданное время отпуска совпало с зимним периодом времени года. Люба ждала его с лета. Заявление на отпуск главный врач подписал, не проронив ни слова. Сердце Любы трепетало от волнения. Скоро увидит она своих родителей, отогреется домашним теплом и уютом!

На сборы много времени не потребовалось. Бабуля, часто поправляя свои очки в роговой оправе, суетливо давала Любе наставления. Когда вместе с Любой они уложили вещи в небольшой чемоданчик, бабуля принесла из чуланчика пакет с моченым виноградом. Каждую осень, собрав урожай, она складывала в эмалированное ведро чистые гроздья винограда, заливала водой из колодца, добавляла один стакан соли и один стакан горчицы.

– Вот, возьми виноград, привезешь родителям от меня.

– Как же я его доведу в поезде?! – возразила Люба.

– А ты его не загортай, – ответила хозяйка.

Любе было интересно слушать нескончаемые разговоры бабули, не потерявшей интереса к жизни после всего перенесенного за время оккупации немцами станицы и в последующие годы разрухи в стране.

Каждую весну бабуля повторяла одну и ту же фразу: Наступил марток – не снимешь порток». Она вообще каким-то необычным наречием излагала свои мысли.

– А что такое портки? – спрашивала Люба.

Бабуля, улыбаясь, отвечала:

– Портки – это то, что на заднее место человек надевает.

И вот уж поезд мчал Любу в далекую Сибирь. Вагон покачивался, ритмично постукивая колесами о рельсы. Не спало Любе. Мысленно в который раз представляла себе радостные мгновения встречи с родителями, как неожидан-

но для них появится она в доме. Вопреки ожиданию время тянулось медленно.

Звонкий голос проводницы, объявившей название станции и время стоянки поезда, нарушил тишину. В купе мирно спали попутчики. Положив пакет с виноградом в сумку Люба вышла на перрон. Крохотное здание вокзала утопало в сугробах снега. В помещении у кассы стоял мужичок и тулупчике и огромного размера валенках.

Шапка-ушанка причудливо и заливчатски возвыпалась у него на голове.

– Когда отходит автобус в деревню? – спросила Люба.

– А сегодня автобуса не будет, – ответил он. – Дорогу за несло, теперича только завтра жди его, как только трактором дорогу расчистят.

– А пешком можно дойти? – спросила Люба.

– А чего ж не можно, дорога прямая. До околков лесных дойдешь, а там и рукой подать. Може, яка попутка подвезет – добавил он с акцентом и указал рукой в сторону места занесенной снегом дороги.

Постояв в недоумении, Люба вышла из помещения. Время на часах показывало ровно 17-00. Увлекаемая неудержимым желанием оказаться дома, Люба, поправив воротник зимнего пальто, торопливо зашагала по дороге Вечерело. Солнце закатно скрылось за снежной пеленой. Снег шумно поскрипывал под ногами. От быстрой ходьбы становилось жарко. Сумерки наступили незаметно, быстро по дороге Люба еще различала. «Не видно ни зги», вспомнила она фразу из какого-то произведения и ускорила шаг, поймав себя на мысли, что не испытывала страха в этом снежном пространстве.

Вдалеке замерцал огонек, сердце у Любы часто забилося:

– Неужели дошла?

Но это была будто бы вросшая в землю и сугробы избушка, неизвестно каким образом оказавшаяся близ дороги.

За оградой виднелся стог сена и доносился глухой лай собаки.

«Нет, это не деревня. Уж совсем трудно стало различать дорогу. Не заблудилась ли? – подумала Люба. – Может, повернуть обратно?»

Впереди темными пятнами показались лесные околки.

«Значит, недолго осталось идти», – вспомнила она слова мужичка и, проходя мимо заснеженных сосен, испытала при этом какое-то жуткое оцепенение.

Дорогу почти совсем замело снегом, а впереди открывалось заснеженное царство.

Много лет спустя Люба будет с непреодолимым трепетом вспоминать об этом и недоумевать, каким же образом ей удалось в метель, в ночи, добраться пешком до родного дома, не имея представления о том, сколько же километров ей пришлось прошагать.

Ноги будто бы сами привели ее в полночь к крыльцу родного дома. Озябшими руками она тихонько постучала в окно, тускло освещенное керосиновой лампой, и подошла к двери. Внутри избы скрипнула дверь, и на пороге стояла с горящей спичкой в руке ее мама. Не веря своим глазам, она тихо произнесла: «Любочка, это ты, родная? Ты постой тут, а я папе сейчас скажу, что померещилось мне», – и скрылась за дверью.

Но Люба уже входила за нею в дом и обнимала поочередно своих любимых родителей.

Догорали поленья в печи. Виноград, аккуратно уложенный в стеклянную вазу, оставался нетронутым. Любочка, утопая в мягкой перине и на перовых подушках, сладко засыпала, как когда-то в далеком детстве, слыша глухой стон метели и непрерывный лай собак, погружалась в сон.

На кухне до самого рассвета горела керосиновая лампа с приглушенным фитильком. Не спалось только Клавдии Алексеевне. Она, поправив одеяло у спящей Любочки, вновь погрузилась в размышления о призрачном видении в окне, которое, как оказалось, предвещало неожиданную встречу с дочерью в эту ночь, с разыгравшейся за окном метелью, которая под утро замела все следы.

ЛЮДМИЛА ЧЕРНЫХ

ЛЮБОВЬ – КОЛЬЦО

Юная Тося шла по улице, где она родилась, выросла. Ей недавно исполнилось шестнадцать.

Прохожие откровенно любовались статью этой молодой девушки, легкой девичьей походкой, румянцем и длинными косами. Тося ловила эти восхищенные взгляды, а сердце ее трепетало от радости – уже взрослая, уже все можно. А недавно они с мамой вместе сшили это красивое платье из простой занавески.

Учиться Тосе не пришлось дальше: семья большая, у родителей было шестеро детей, а она старшая.

«Потом, – думала Тося, – потом выучусь на заведующую магазином, буду ходить вся такая нарядная, в золоте, вся жизнь впереди».

Но жизнь распорядилась иначе. К вечеру, после работы в колхозе, где она ухаживала за животными, кормила их, полила, чистила, она так уставала, но молодость брала свое.

По вечерам молодежь собиралась возле какого-нибудь дома (парни отдельно, девчонки отдельно) семечки погрызть, посмеяться, поболтать. Но за полночь – домой, это строго: родителей побаивались. А завтра рано вставать, с зарей. Другой раз так распляшутся, что сил нет домой идти. А плясать-то деревенские умеют! А как же?

Под гармошку -то хоть кто спляшет! А сколько частушек перепоют! Гармонистом был Гошка. Чуб темно-русый, волнистый. На работу-то не больно охочий был, а вот сыграть, чтобы душа сначала развернулась, а потом свернулась, Георгий был большой мастер. А Тося подойдет сбоку, возьмет под руку гармониста, душа заходится, да и взгляды Георгия стала часто на себе ловить.

Как-то Георгий сказать ей в шутку, что сватов зашлет, а Тося и рада, не стала отнекиваться.

Вскоре все так и случилось – если уже пришла любовь, чего уже там. В семнадцать и вышла замуж. А Георгий был чуть постарше, но в армию не ходил: не взяли. А тут дети пошли один за другим. Сначала Володька, потом Галя, потом Толик, Валера – погодки. А что? Мужняя жена! Но денег не хватало. Да откуда им быть! Сама-то с детишками дома, по хозяйству. А муж то там поработает, а то в колхоз вернется, а в колхозе трудодни.

Родители с обеих сторон помогали и не только советом: то поросеночка или козленочка дадут, чтобы выращивали, а мясо и молоко и так давали.

А тут в местное сельпо продавец нужен – Тосина мечта! Ну и пошла. На семейном совете утвердили, отпустили, а куда деваться.

Тося, засучив рукава, взялась за дело. А работать она любила, рукастая оказалась. От природы умела быстро считать на счетах, а хватки ей было не занимать.

И Гоша стал частенько бегать к жене в магазин. То овощи сложит, куда жена скажет, то ящики с водкой переставит поудобнее. Дело пошло.

И так Тося полюбила свою работу, да еще деньги платят, а мужу была так благодарна за помощь, что как поется в одной хорошей песне «все как лучшему другу я ему доверяла»... Если куда-то сбегать надо, ну кого оставить? Гоша и продаст, и доглядит.

Но стала она замечать, что муж часто бывал навеселе. Спросит: «Где, с кем?», а Гоша отмахнется, поцелует жену и все хорошо. Но Тося стала замечать, что денег в кассе почему-то мало. Тревожно ей стало. Как же так! Торговля идет неплохо, а денег мало. Что делать? А тут ревизия внезапно. И оказалась у Тоси большая недостача. А раньше с этим очень строго было. За расхищение государственной казны давали десять лет заключения. На деток малых не посмотрели. И получила Тося большой срок. Но одна беда не ходит. Тося вдруг поняла, что она беременна пятым ребенком.... Дочка родилась в тюрьме. Несмотря на это, отсидела

Тося почти весь срок. Вернулась с дочкой. А куда? К мужу куда же еще? Детей вот надо растить, без матери-то нахлебались постных щей. Всех приласкала, приголубила, мужа простила и пошла жизнь своим чередом. Решили Гоша с женой поменять место, начать новую жизнь. Сорока на хвосте принесла, что есть такое место, где и грибов, и ягод полным- полно в лесу, а воздух свежий, кругом лес сосновый! Его можно и не выписывать, жителей мало, а простора много. Размечтались супруги, как новый дом поставят, просторный, большой, много комнат, чтобы всем хватило, да и поехали.

Место действительно оказалось грибное, хорошее.

Срубили времянку, стали жить-поживать, фундамент заложили под дом. А детей еще двоих родили: сына и дочку. Но нужда шла по пятам. Так и не полюбилась Георгию государственная работа: вставать рано, приходиться поздно, да еще и выговор за опоздание, если что. Жили они дружно, в тесноте да не в обиде. А ребятишки росли крепкие. Пока дом строили, не заметили, как и выросли. Трое старших женились, замуж повыходили.

Георгий смастерил себе столярный станок, стал собирать инструмент и работа наладилась. А столяром он оказался умелым. Тогда в моде были круглые столы, обязательно на точеных ножках, да чтобы крышки стола по бокам поднимались. Стал делать этажерки, табуретки, комоды, да не просто, как сейчас, а украшенные точеными деталями. Любо-дорого посмотреть! А Гоша действительно дорого браза за свою работу. В магазинах-то в поселке мебели не было, вот люди и заказывали.

А Тося и дома, и на своем огороде, и людям дом поштукатурит да побелит. Работала не покладая рук и детей к труду приучала.

А когда дом-то достроили, дети повзростали и разъехались кто куда: кто учился дальше, кто женился. И кому теперь жить в таком большом доме?

Уработаются они с Тосей, а вечером Георгий сядет на крыльцо нового дома, хлебнет ковшик бражчонки и, растянув меха так, чтобы слышали все соседи, скажет вступление: «Чайковский, Рокоссовский и я, Гошка Быковский!» Да так заиграет....

Прожили они вместе долгую жизнь в любви, а вы как думали?

ЛЕТА К СУРОВОЙ ПРОЗЕ КЛОНЯТ

ТАМАРА ХВЕДЧЕНЯ

*Светлой памяти деда моего
Бурлаковского Степана Григо-
рьевича посвящаю*

ПЛОХАЯ ПРИМЕТА

Так исстари повелось, что в деревнях не особо любили пришлых. Присматривались к ним долго, помогать помогали, но в дружбу не вступали, в родство – тем более.

А вот Степана Бурлаковского любила вся деревня, от мала до велика: вдовушки и солдаты – за шальные, медового оттенка, нагловатые глаза; парни – за могучую силу и ловкость; старики – за приветливость и умение несмешные события превращать в потешные истории; ребятишки – за щедрую руку, частенько раздававшую им орехи и семечки. Мужуку перевалило уже за тридцать, семейный, детный, а все шутки шуткует, улыбается ярким белозубым ртом, сыплет солёные прибаутки да потешные истории. Где Стёпка, там всегда смех и веселье.

Весь день у дома Ильи Петровича толпился народ: дед его преставился. Хлопотали о похоронах, суетились в амбаре, на погребце, ладили домовину и крест. Столярничал гроб старик Игнат, к нему завсегда шли с такими скорбными заказами. Изладит всё как нельзя лучше, подгонит дощечка к дощечке, ещё и аккуратный крест прибьёт на крышку гроба. Весельчак и балагур Степан тут как тут.

– Чё приуныли, православные? Все там будем, не сумлевайтесь! А дед хорошо пожил, восемьдесят годков, – возвестил зычным голосом Степан в лихо заломленной солдатской фуражке.

– Нам стоко и не прожить! – поддержал Стёпку словоохотливый маленький мужичок Иван, из пришлых.

– Ну чё, ты так, Ванька, проживёшь, не горюй! Я вот так свою сотню, никому не отдам, – Стёпка привычно верховодил в разговоре. – Ха, братцы, а давайте я вас потешу, настроение подниму! Давайте гроб примерять! Кто со мной, айда! Посмотрите, как я буду лежать со сложенными ручками.

– Ты че задумал, милоч? Нельзя раньше срока такую примерку затевать, заберёт Господь к себе! – бабка Ульяна схватила Стёпку за руку.

– Не замай, бабуля, я парень решительный!

И Стёпка пошёл к верстаку деда Игната, а за ним потянулись сначала мужики, а потом ребятишки со стариками.

Дед Игнат в старом черном фартуке чистил фуганок.

– Что за делегация ко мне, каки таки резоны у вас мужички, а?

– Вот Стёпка хочет в гроб лечь, примерить, как будет ему там лежаться! – загомонили мужики, чуя потеху.

Дед Игнат испуганно заслонил собой новую домовину.

– Что ты, Стёпка, это же плохая примета, сказывают, померёшь вскорости, не придурай!

– Да какая плохая примета, не верю я в бабушкины сказки!

Мигом положил гроб на верстак, легко вскочил и улегся в пахнувшее свежим деревом нутро, вытянулся и, умильно сложив руки на груди, закрыл глаза, но тут же расхохотался, вызывая ответные улыбки мужиков. Снова закрыл глаза, собрал скорбно губы в ниточку и опять затрясся в сдерживаемом смехе.

– Хватит, вылезай безобразник! – не на шутку рассвирепел дед Игнат и схватил Стёпку за руку.

– Дай, дед, отдохнуть, притомился я, – балаганил Стёпка.

Кое-как дед Игнат разогнал толпу зевак, а Стёпку-баламуту ударил в сердцах по спине.

Что Стёпка заболел, первой заметила его мать. Горячий гроб, потные руки, тяжёлая голова – никому не пожаловался Степан, не из таких он, молодой да здоровый, пройдёт

недужность сама собой. И свалился в жарком бреду, в нескончаемых муках и беспомощности на горе своей мамке да жене Настасье. Молодой крепкий организм не сдавался тифу больше недели. Ничто не помогало: ни молитвы и отшептывания матери, ни компрессы на лбу, ни отвары трав. Перед смертью обвел домочадцев жалобным взглядом, хотел что-то сказать, да не смог. Только две слезинки застыли, непролитые, в незакрытых мертвых глазах.

Хоронили Степана всей деревней.

– Ить говорила я ему, балбесу эдакому, что это плохая примета, ишь, живой во гроб улёгся, – первой начала бабка Ульяна. – А ты чё молчишь, Игнат. а?

Понурился стоял дед Игнат, молчал о Стёпкиной примерке, зато Ивашка пришлый принялся рассказывать смешную тогда, но грустную теперь историю двухнедельной давности.

– Эт-та он от солдатов, что жмутся по теплушкам на вокзале, тиф-то приволок, – громко провозгласила Анька-солдатка. – Они все тама грязные, вшивые, тьфу на них, а Стёпка-то на вокзал часто мотался.

– Дак рази он знал, что так дело обернется, – охотно подхватил новую тему Ивашка, но от толчка в бок притих.

Громко голосила сестра Степана, водой отливали тётку Лукерью, только жена Настасья смотрела вдаль пустыми глазами, держа на руках двухлетнего Мишку. Не мог тогда знать мальчонка, что его ждёт бедное детство и горькая безотцовщина.

Тайком от всех до темноты в глазах оплакала Степана Фроська, тоненькая миловидная девчонка с нижней улицы: ведь она носила под сердцем Степанова ребёночка.

*Маме моей, Марии Николаевне
Бурлаковской, её светлой памяти
посвящаю*

ПАУК

Непридуманная история

Нет ничего печальнее деревенского кладбища поздней осенью... Пустое серое небо, потемневшие от частых дождей деревянные кресты, холодный, пронизывающий ветер. Маруся присела на краешек осевшей могилки, спрятала озябшие руки в карманы старой выцветшей кофты.

- Тёточка Настя, прости, долго не приходила к тебе, всё дела да заботы. Мишенька не пишет вот уже восемь месяцев, как было письмо в марте, так больше и нет. Плачу каждый день, всё об одном думаю: только чтобы живой был, а я его уже дождусь! Проклятая война!

Пригнулась к коленям, зашла в беззвучных рыданиях. Над головой по-осеннему тихо пискнула птичка. Маруся встала, поклонилась дорогой могилке. Перекрестилась и побрела к дороге.

На обочине, прямо на сухой траве, сидела старушка. Маленькая, с красными набрякшими глазами, в драном сером полушалке, она шарила рукой возле себя, искала костыль и котомку.

- Здравствуй, бабушка! – по-деревенски учтиво поклонилась ей Маруся. – Давай помогу тебе встать!

- Спасибо, девонька, - старушка оказалась лёгкой, как душинка, казалось, ветер вот сейчас подхватит её и унесёт.

- Дочка моя тута лежит, вот уже пять годков как нет моей голубушки. На зятя похоронка пришла. Ребятишек её рощу, болеть стала. Наплакалась, ажно голову обносит.

- А я на могилке свекрови своей была, её сынок, Мишенька, - мой жених. Жду его уже семь лет, три года службы и всю войну. Не пишет мой голубь сизый, живой или нет, не знаю.

И поведала Маруся незнакомому человеку свою грустную историю, никому так откровенно не рассказывала, даже подружкам. Сама не понимала, как это вышло.

- А ты вот что сделай, милка моя: погадай, придёт аль нет твой суженый. Так сделала моя золовка, когда с германской ждала жениха-то. Возьми стеклянную банку с крышкой, посади туда паука и поставь на неделю в тёмное место. Коли не издохнет паук, знать, жив твой ухажёр, счастье тебя впереди ждёт. А золовка-то открыла банку, а паук уж высох весь, аж лапки отвалились. Не дождалась она своего любезного. Царство им Небесное!

- Страшно что-то, бабушка, так гадать!

- Ну, прощевай, голубка моя, спасибо за привет и ласку!

Домой Маруся бежала задами, так быстрее. Где же её банку-то взять? Война всё повывела в дому: ни одежонки ни обувки, ни посуды.

Правильно говорят в народе, что женский ум изворотлив. Маруся знала, что её мамка хранит святую воду в стеклянной пол-литровой банке. На божничке стоит, чистой тряпочкой обвязана. Принесла из кладовки кринку с отбитыми краями, перелила святую воду и так же аккуратно накрыла тряпочкой от пыли и мух.

Быстро поймала в чулане паука, посадила в прозрачное стеклянное нутро, прикрыла, за неимением крышки, деревянным кружком для засолки капусты. Место для паука она придумала, пока бежала домой: за сундуком, там темно, и мамка не увидит.

Томительно долго тянулась злополучная неделя. Вечером, когда мать ушла к старшей дочери управляться, Маруся с закрытыми глазами вытащила заветную банку. Вспомнился бабкин рассказ: «А паук уже высох совсем, аж лапки отвалились». Медленно открыла глаза, скинула дощечку. Паук неподвижно лежал на дне банки. Дрожащей рукой Маруся встряхнула посудину, закричала в страхе, а паук приподнялся и побежал вверх по стеклу, семеня длинными лапками.

Маруся не помнит, сколько она просидела с банкой на коленях. Встала, как старуха, побрела в кухню попить воды.

- Живой мой Мишенька, живой! – Маруся говорила и говорила, выплёскивая из себя скопившуюся в душе боль, муки ожидания, горечь долгой разлуки.

Зима, суровая и безжалостная, тянулась нескончаемыми морозами, а весна не торопилась сменить её. Долго лежал и не таял снег, солнце забыло дорогу на небо, только в конце апреля установилась настоящая весна, зелёная, буйная, тёплая.

Марусю задержала на работе подружка, опоздавшая на смену.

- Где, бродишь, оглашенная? – набросилась на неё дома мать. – Мишенька вернулся, прямо с вокзала - к нам, щас до Настасьи пошёл, поздороваться.

Маруся тихо ойкнула, схватилась за сердце и опустилась на табуретку.

- Щас, мамонька, я переоденусь только.

Нетвердой рукой приподняла тяжёлую крышку сундука, нашарила праздничную кофточку. Мигом стащила старенькую, рабочую, и только успела разглядить непослушными пальцами слежавшийся воротничок, как скрипнула калитка...

ЛЮДМИЛА МАРЬЯСОВА

ПОЧТИ СЕМЕЙНАЯ ПОЕЗДКА

Солнышко ласково припекало через окно машины. Галинке было удобно и спокойно. Никитку сморил сон, и он спал на заднем сиденье, уткнувшись носом в свернутое одеяло, которое предусмотрительно захватил с собой отец. Галинка иногда искоса поглядывала на бывшего мужа. Он и отказался свозить ее с сыном в краевую больницу. Надо в всякий случай показать врачу, в крае врачи лучше. Да и прикупить на рынке можно кое-что. А Иван неторопливо приятным баском рассказывал о новой работе, о машине, на которой он работал, о правилах в их организации. Потом он вдруг встрепенулся и спросил, не сильно ли припекает, может окно приоткрыть? Все так напоминало прежние годы и жизни! Бывало такое, когда они одновременно начинали говорить об одном и том же. Потом смеялись. Она вспоминала, как он носил ее на руках. Галинка небольшого роста, а он куда здоровее. Она вспоминала, как Иван терпеливо распутывал косички Юле, ее дочке от первого брака, когда мальчишки залепили в них шишки лопуха. А как он радовался рождению сына! И ее дочку не обижал. Все домашние неполадки он быстро исправлял сам. И в выращивании огурцов понимал больше, чем она. Мысли текли и путались. Она заметила, что и Иван иногда искоса взглядывает на нее. У Галинки навернулись слезы. Как она была неправа! И за чем с таким упорством искала адрес той женщины? Теперь Иван на ней женат. А она одна. Она судорожно вздохнула и сразу же резко вздрогнула от громкого телефонного звонка. Иван взял телефон. Он слегка откинулся и, вытаращив глаза, хрипло закричал: «Ты что, не врубаешься? Я тебе сказал, чтобы не смела мне звонить? Отвлекаешь! Когда надо, тогда и вернись. Отвяжись».

Галинка инстинктивно дернулась. Бывало, что за такими словами в ее адрес и оплеуха следовала. Однажды ей при

шлось даже к мануалисту обратиться, потому что сместился позвонок на шее. И как хорошо, что она теперь не вздрагивает от его голоса, когда он заходит к ним. И как хорошо, что они поменялись местами с той женщиной, и что жена теперь не она. Воцарилась тишина. Разбуженный Никитка сел, покачался немного из стороны в сторону и снова лег.

Возле одной из придорожных кафешек они остановились перекусить. Галинка с сыном сели за крайний стол, а Иван набрал разной еды и для себя, и для сына, и для Галинки. За едой он подшучивал над Никиткой, горделиво оглядывал полупустой зал. Ему было приятно, что с ним такая интересная женщина и такой чудесный сын.

МНЕ ПОВЕЗЛО

Мне повезло. Я не хотела ехать в Алма-Ату одна: во-первых, это теперь другая страна, мало ли какие там новые порядки. Во-вторых, совсем недавно мы узнали новое слово – «теракт». Уже два раза были взрывы на вокзалах. Но мне очень повезло. Случайно встретила знакомую, пара дежурных фраз. И вдруг слышу, что она собирается в Алма-Ату. Душанбе, еще куда-то.

И вот мы со Светой уже едем обратно домой, каждая из своих гостей. Только вот билеты на нужный поезд из Новосибирска до Ачинска нам не продали заранее. Стоянка нужного поезда там всего 20 минут.

Мы все распланировали: заходим в Новосибирске в вокзал, я остаюсь с нашими авоськами у дверей на первом этаже, а она бежит на второй к кассам. Так и сделали. Пассажиров из нашего поезда вышло много, но они моментально разбежались кто куда. Зал опустел. Остались я да женщина с двумя сумками в нескольких метрах от меня. Женщина была лет сорока, высокая, статная. Старомодный плащ сидел на ней хорошо, поношенные туфли были начищены и блестящие. В глаза мне бросились две ее большие сумки. Они

как-то не соответствовали ее простецкому виду: были очень хорошего качества, ткань плотная, застежка-молния крупная и с брелоком. Интересно, где такие берут? Между тем женщина открыла маленькую сумочку, висевшую на руке, достала иголку с ниткой и стала зашивать через край сначала застежку на одной сумке, потом на другой. Видно было, что она торопится. Мне стало интересно. Женщина же справившись с сумками, вдруг бросилась в дверь, ведущую на перрон. Она почти сбила с ног входящего милиционера. Я, моментально вспомнив о терактах, быстро подбежала к нему, показала на сумки, сказала про женщину. Он все понял. Сказал мне: «Хорошо» и быстро пошел через зал к выходу в город. А мне-то что делать?! Поколебавшись несколько секунд, я побежала за ним и увидела, как он удаляется от вокзала. Пораженная, я вернулась к своим авоськам. В голове у меня набатом били мысли. Все бросить и тоже убежать подальше? А Света? Бежать на второй этаж и искать ее там у кассы? Это долго. Женщина-то ведь стремглав унеслась. А если я убегу, но ничего не произойдет, вернуться к нашим авоськам не будет, что я скажу Свете? Не знаю, как бы мысль победила, но вдруг плавно открылась дверь, ведущая на перрон, и также плавно вошла та женщина. В руках у нее была сумочка и что-то завернутое в газетку. Я замерла. Женщина между тем поставила сумочку на пол, вынула из нее чайную чашку, тоже поставила на пол, что-то налила в нее из бутылки. Она стала мерно жевать булку и прихлебывать из чашки, время от времени ставя ее на пол. Пораженная всеми этими событиями, я была не в силах пошевелиться.

В дверь со стороны города вошли двое парней, по виду студенты. Весело переговариваясь, они прошли мимо нас и стали подниматься по лестнице на второй этаж. Женщина вдруг оживилась. Она всем корпусом развернулась к ним и почти закричала: «Да! Это все! Зачем надо? Все такие Кто?» Парни удивленно посмотрели на нее и продолжили движение. Один из них покрутил пальцем у виска. Надо же

а они-то сразу поняли, что она такая. Объявили посадку на наш поезд. По лестнице спускалась Света. Мне повезло.

НЕ ХОДИ, ТЫ, ДИНА, ЗАМУЖ

У Дины время расписано чуть не по минутам. В школе на полную ставку работает, еще классное руководство, а дома – проверка тетрадей и репетиторство. Ее дочка уже окончила школу и учится в другом городе. На дочку у Дины всегда времени не хватало и, может быть, у нее из-за этого иногда бывали «косяки», только у кого их нет? И в ее классе они тоже были, только она считала, что все равно у нее всегда самые отличные дети.

Ну, а сейчас лето, отпуск, дача. Красота! Конечно красота, не смотря даже на то, что дождь выгнал ее с дачи и она ждет автобус на остановке. Здесь хоть крыша есть, не мочит.

Из-за поворота выехала машина и стала притормаживать. Дина пригляделась. Нет, она не знает водителя. Между тем машина остановилась, водитель открыл дверцу и крикнул: «Ну что, долго ждать, садитесь». Дина степенно подошла к машине, сначала уместила свою большую сумку, потом села сама. Разговорились. В нашем городе почти все ее ровесники приезжие откуда-нибудь. Когда-то здесь была комсомольская стройка. Руслан приехал из Казахстана. И она тоже. Мало того, что из Казахстана, они жили в соседних селах. Подъезжая к городу, Дина с Русланом уже перешли на «ты». Они уже успели столько поговорить про свою родину, что будто бы побывали там. Они были очень рады друг другу. Руслан спросил номер ее телефона, звонил каждый день, два раза заезжал вечером за ней на дачу, а потом остался ночевать. Семья у него была, взрослые сын и дочь уже имели свои семьи.

Руслан работал «по вахтам», а в свободный месяц перегонял машины с востока. Бывало такое, что, вернувшись домой с машиной, он ставил ее под окнами Дины и пару дней жил у нее. Или перед тем как уехать, сначала несколько дней жил у нее. Перед женой он не отчитывался, когда уедет, когда приедет. Иногда с дороги звонил домой. Деньги в семью привозил, детям помогал.

Прошел год. Они уже не могли жить друг без друга. Иногда вместе ходили в кафе или в ресторан. На удивленный вопрос подруги по этому поводу, Дина ответила, что она разведена, а что касается Руслана, то это его дело. Однажды, заехав к Дине прямо с дороги, он возмутился: «Ну и скоро ужин будет? Час жду». Дина спокойно ответила «Видишь, какая у меня печка? Пока я не могу другую купить». Уходя утром от нее, он положил деньги на кухонный стол и сказал: «На печку». Печку он не увидел. Увидел новый холодильник. Дина сказала, что старый был еще хуже печки. Руслан снова положил деньги и сказал: «На печку и на новый телевизор». Дине пришлось потом сказать дочке, что все это она купила в кредит на долгий срок.

Дина за этот год расцвела. Она порхала как птичка. Успевала делать все свои дела. На работе продолжали задерживать заработную плату, и она кое-как собирала деньги для дочки, но все равно мир был прекрасен. Когда она шла после уроков к своей подруге, та снова засыпала ее комплиментами. Дина не выдержала и поделилась своей новостью. Они с Русланом хотят пожениться и уехать в село, откуда он родом. Сейчас там жизнь налаживается.

Подруга внимательно посмотрела на Дину. Не шутит ли она? Видно было, что не шутит. Подруга выпрямилась, как школьница перед учительницей и сказала слова, которые совсем не соответствовали настроению Дины:

– Ты что, решила, что он как женится, так и переменится? Сейчас он ходит в гости к тебе, а жена дома сидит. Когда ты будешь женой, он будет ходить в гости ко мне или моей соседке Татьяне. И уже ты не будешь знать, где он

когда придет домой, у него ведь свободный график посещения. Он его не изменит.

Дине очень не понравились слова подруги. Они с Русланом уже все оговорили насчет отъезда и ждут, когда закончится учебный год. Но от слов подруги какая-то червоточина завелась в сердце Дины и она заставляла ее иногда поглядывать на друга отстраненными глазами. Сердце у нее обливало кровью, когда она замечала, каким прилипчивым глазом он смотрит на других женщин. Она стала ревнивой настолько, что однажды, пока он был в ванной, не выдержала и почитала СМС в его телефоне. Конечно, это все подруга накаркала, от зависти. Сердце у Дины защемило, она сложила все вещи Руслана на кресло и молча показала на них рукой, когда он зашел в комнату. Он ничего не спросил, ухмыльнулся и стал одеваться. Эта его ухмылка как по лицу стеганула Дину. Руслан пошарил рукой в кармане своей куртки, вынул ключи и бросил их на кресло.

Дина теперь никогда не заходит к этой подруге, да и к другим тоже. Зато к ней продолжают заходить ее любимые ученики. Им легче о чем-то важном поговорить с ней, а не с родителями.

НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Ольга была обаятельной блондинкой и ее не портили ни полнота, ни возраст. Бизнес шел хорошо, ей все удавалось. Они с мужем открыли уже несколько отделов по продаже женских сумок и даже один магазин. Организация всех работ была в ее руках. Ольга сама ездила на оптовые ярмарки и по ближним западным странам заключать договора на поставку. Муж, покладистый и спокойный, в отличие от нее, был на вторых ролях. Они очень хорошо ладили.

Муж умер как-то неожиданно. Не проснулся. Ольга практически год сидела дома. Выходила только в магазин за продуктами и выгуливала собачку. Она продала бизнес, ни-

кому не звонила. Прошло еще три года. Ей было одиноко. Жизнь изменилась, и прежние немногочисленные приятельницы появлялись редко. Хорошо хоть сын заезжал. Вот и на этот новый год сын привез ей подарок, посидели вдвоем. Она, как всегда, пожурела его за то, что он в свои за тридцать лет еще не женат. Сын, как всегда, сказал, что он над этим работает.

Утром Ольга надела куртку, которую много раз собиралась выбросить, такие же сапоги. Выгуляла собачку. Снова вышла на улицу. Где-то вдалеке маячили редкие прохожие. Кругом пустота. Рядом с ее домом трамвайная остановка. Подошел трамвай. Ольга, неожиданно для себя вдруг села в него и поехала. Трамвай долго шел по каким-то городским окраинам, а потом объявили, что следующая остановка конечная и он пойдет в парк. Ольга встрепелась и, как только трамвай остановился, быстро пошла к выходу. Второпях она за что-то зацепилась у двери широким голенищем коротенького сапога и рухнула рыбкой на снег. Полежала пару секунд. Приподняла голову. Увидела мужские сапоги. И услышала голос: «Ну вот и судьба моя прилетела». Мужчина помог ей встать, отряхнул снег, спросил, куда ей надо, перевел через дорогу. Он сел с ней в подошедший вскоре трамвай и ехал до ее остановки. Они почти не разговаривали, но на прощанье Ольга продиктовала ему номер своего телефона. Они перезванивались, и через месяц Ольга пригласила его в гости.

Вениамин чем-то неуловимым напоминал ей мужа. Но был и совсем другим. Он был статен, седоватые густые волосы мягко ложились на высокий лоб. Ясные глаза смотрели спокойно и уверенно. В свои «шестьдесят с хвостиком» он выглядел хорошо.

Вениамин уже много лет жил один, был когда-то давно женат, но семейная жизнь не сложилась. Детей нет.

Вениамин вошел в Ольгину жизнь как-то незаметно. Им казалось, что они близки всю жизнь. Они все делали вместе. Конечно, когда ему иногда звонили с прежней работы и

просили приехать на пару часиков, она готовила обед одна. Сын, познакомившись с Вениамином, сказал, что это Тарханов-2. Он тоже заметил это сходство со своим отцом.

Ольгины приятельницы очень удивились: как это она из своей шикарной квартиры переехала в простую двухкомнатную. Ее удобная квартира в современном престижном доме размещалась на двух этажах. Но Вениамин сказал, что примаком он не будет, и она переехала к нему сразу, как только он выполнил ее условие. Установил биде. Кому она говорила об этом, все смеялись. Она тоже смеялась. Ей было смешно, что она поехала именно на трамвае, да еще и неизвестно куда. Но эта встреча оказалась неслучайной. Она стала ее судьбой.

ЛЮДМИЛА ЖИВАЕВА

ЗНАКОМСТВО

Быль

Посёлок Горячегогорск – удивительное место, где жили и живут не менее удивительные люди. Середина девяностых... Мы только переехали из Казахстана в Россию. Купили дом в Горячегогорске и стали его обживать мало-помалу... Решив вопрос с жильём, искали работу. На тот момент с ней были проблемы. А точнее, работы не было... Лето в этом году выдалось очень жаркое. Огород – единственная надежда на неголодную зиму, но его нужно было полоть и поливать, чтобы получить нормальный урожай.

В Казахстане, где мы раньше жили, в такую жару огород заливали водой полностью, так как вода тут же уходила в песчаную почву, поэтому и здесь мы старались добросовестно. Кроме лейки и вёдер, других приспособлений не было. Воду носили вёдрами прямо из ручья. Благо, что он был в десятке метров от огорода. Полив начинали, когда еще не спадала жара, то есть чуть позже обеда. Девчонки, шлёпая по залитым водой дорожкам, таскали вёдра с водой, переливали их в лейку и поливали грядки. Это потом, видя наши старания, соседи подсказали нам, что поливать холодной ключевой водой очень вредно для растений. Но это было потом...

А в тот год в один из самых жарких дней мы все вышли в огород на свою работу. Самые младшие, открыв внизу огорода калитку, вдруг с испуганным криком кинулись вверх, где мы с мужем пололи неведомо откуда бравшиеся сорняки.

– Что стряслось?

– Что случилось?

Девчонки действительно были очень испуганы и звали нас вниз. Мы бросились туда. Всё это происходило в доли минуты, но то, что мы увидели там, ввергло нас

шок... Прямо в двух метрах от угла нашего забора в земле торчала... голова живого телёнка... Было понятно, что телёнок как-то провалился под землю, так как верхний почвенный слой был целым. Растения, мелкая травка, цветочки были такие же, как и везде вокруг, только немного сочнее, чем рядом растущие растения, которые от жары и засухи даже подвядли на солнце. Но очень мокрая почва выдавала, что там внутри шёл какой-то процесс.

Оценив ситуацию, мы поняли, что сами сделать ничего не сможем, стали звать соседей, которые в это время тоже выбрались в свои огороды. Первым на помощь прибежал молодой мужчина с лопатой. Попробовав копнуть вязкую тягучую, пронизанную корнями и корневищами почву, тоже отошёл на метр от жуткого зрелища. Подходили люди, разводили руками, беспомощно их опускали, что-то говорили. Много говорили, но время неумолимо шло...

Беспомощность... Это нас объединяло. Мы действительно не знали что делать, но очень хотели помочь. Увидев скопление людей, подошёл сосед дядя Вася, докурил свою сигарету, помолчал... и ушёл. Он вернулся с верёвкой. С новой крепкой верёвкой. Я бы сказала: это был канат. Сделав петлю, не торопясь, чтобы не волновать животное, подошёл к почти утонувшему телёнку, у которого только ноздри были на поверхности и огромные расширенные глаза, которые выдавали страх и ... беспомощность... Он почти не дышал, стиснутый холодной вязкой топью.

Когда петля плотно обхватила шею телёнка, дядя Вася спокойно скомандовал всем:

– Тяни

Народу действительно собралось много. Взрослые мужчины изо всех сил стали тянуть несчастное животное на сушу, но только крепче затягивали петлю на шее телка. Топь не отдавала свою «добычу».

– Быстрее тяните! – командовал дядя Вася.

Начался ропот. Подкрепив свои команды парой-тройкой крепких выражений, дядя Вася, повысив голос, прикрикнул:
– Тяни! И – раз, и – два!

Всем ничего не оставалось, как подчиниться и выполнить команду. Утонувший, обессиленный и почти задушенный телёнок стал биться в агонии. Это было очень страшно. Хоть мы и отгоняли детей от этого зрелища, я видела, что они смотрят через щели забора. А любопытные соседские ребятишки, отбежав на десяток метров, стояли и глазели на это действо.

И... о чудо! Бившееся в агонии животное, месившее топь всеми ногами, почувствовав твёрдую почву, к которой его подтянули на верёвке, собрав последние силы, неожиданно словно вылетел из плена. Дядя Вася подошёл к телёнку, освободил его от петли и стал собирать верёвку в тяжёлый, уже намокший узел.

– Видали! Какая сила жизни в таком, казалось бы, совсем измотанном, обессиленном животном...

Телёнок отошёл на небольшое расстояние и лёг. Было очень жарко и через минут двадцать согревшееся животное, отряхнувшись, пошло щипать травку.

– Порядок!

Ещё долго все стояли и, переживая этот необыкновенный момент спасения живого существа, судачили на разные темы, невольно наблюдая за его поведением. Никто не знал точно, чей же это телёнок попал в такой жуткий переплёт, сколько времени был он в этом плену, да это было уже неважно. Телёнок ни на кого не обращал внимания, занимался своим делом. Видно проголодался основательно.

Важно, что мы были все вместе единым целым в порыве и стремлении спасти это живое существо. Так произошло настоящее знакомство с соседями в такой неординарной ситуации.

Героем дня стал, конечно, дядя Вася – Василий Петрович Барамзин, один из первостроителей посёлка, седовласый пожилой мужчина, невысокого роста, среднего телосложе-

ния. Не торопясь, без суеты, закурив свою сигарету, он отвечал на вопросы, интересовавшие зевак. Объяснил, что несмышлёное животное, решив пощипать более сочную травку, зашло именно туда, где под его весом верхний слой разошёлся, и топь поглотила свою «добычу».

Такого рода «западни»-каверны образуются при рождении родника, бьющего внутри почвы. Постепенно, промывая себе дорогу, вода образовала «пустоту», заполненную родниковой водой, этакий водный «пузырь», а излишки незаметно стекали в ручей.

Объяснив про родник, дядя Вася уточнил, что верёвка неспроста такая толстая, чтобы не задушить и не травмировать животину, и очень крепкая, чтобы вытащить пострадавшего из водного капкана. Самое страшное, что ребёнок мог провалиться в такую западню. На что дядя Вася ответил:

– Теоретически, да, но так как вес у ребёнка небольшой, а площадь опоры, то есть ступни, достаточная, чтобы верхний слой дёрна его выдержал, а телёнок – животное крупное, ему больше полугода, а ножки-то, копытца, остренькие... Да, если он ещё, распалившись, прыгнул, как телята обычно, взбрыкивая, играют. Вот дёрн и не выдержал.

А выпрыгнул он чистенький! Земли-грязи там нет. Только на шее полоса грязная. Замёрз, наверное, очень, вода-то ледяная! А на вопрос приходилось ли дяде Васе бывать уже в такой ситуации, он, усмехнувшись, уклончиво ответил:

– Всяко бывало!

Через какое-то время соседи засыпали то место щебнем.

СЕРГЕЙ НОВИКОВ

КРЕЩЕНСКИЙ КУРЬЁЗ

...Весь день мело, а к вечеру стихло. Погода обычная, январская, чему удивляться, не такое видывали.

Тихон Иванович, глава большого семейства, закончив управляться по хозяйству, – а оно немалое, в деревне не у каждого такое поголовье скотины – позвал старшего сына Саньку.

– Поедешь сегодня к полуночи за святой водой на Инголь. Там, говорят, мужики днём иордань вырубил. Вечером батюшка должен освятить. Так что, давай, парень, нонче без меня смотайся. Запряжешь Гнедка, пускай промнётся жеребчик, а кадку возьми в амбаре чистую, вон ту – с крышкой, чтобы воду не расплескать, – давал наставление отец сыну-подростку. – Да, назад возврататься будешь, не гони шибко, езжай потихоньку.

– Тятя, а можно я Карпуху прихвачу да Тимоху, а то, сам знаешь, волки вокруг деревни рыщут, – с хитрым прищуром спросил Санька родителя.

– Смотри у меня, – пригрозил Тихон Иванович и, обступив и обметя веником пимы, пошёл в избу.

– Ужинать сегодня не будем, в сочельник вечером надо поголодовать, – вошедший хозяин обескуражил своё семейство.

– Да не пугай ты, Тихон, ребятишек. Мы уж с Таней и Верой-большой сочиво варим, – зажигая копилку, успокоила мать засопевших и готовых расплакаться младшеньких.

– А чё такое сочиво? – прошептала Нюра, девчушка шести годиков от роду.

– Да-а, каша это постная, от неё ноги протянешь, – крикнул старший Петька, поставив младшему Петьке щелбан для острастки.

Так вышло, что в семье подрастали два Петьки, причём братовья не являлись близнецами или двойняшками. Но это

ещё не всё, имелись три дочери Веры: большая, маленькая и просто Верка. Виноват поп, который при крещении детей никого слушать не хотел и назначил имена по святым самолично, а спорить с ним было себе дороже.

После скоромного ужина, чуток передохнув, Санька собирался.

– Сань, ты куда? Возьми нас с собой, – заканючили в голос оба Петьки, краем уха прослышавшие про задание отца.

– Отвяжитесь, – отмахнулся старший брат. – Вы ишо сопливые, а знаете, сколько волков ночью бегают по лесу?

Младшие братовья, переглянувшись, нехотя отстали.

Санька запряг Гнедка, поставил кадушку на сани, надёжно привязав её, и хотел трогаться, но, услышав окрик отца, осадил нетерпеливого коня.

– Доху возьми, чай не май-месяц, – Тихон Иванович кинул в ноги сыну тяжёлую и на редкость тёплую собачью доху. – И не балуйте: дело сурьёзное.

– Но-о-о, – низким голосом крикнул молодой извозчик, и застоявшийся жеребчик резво помчал розвальни по хрустящему стылому насту.

– По пути нужно ещё дружков захватить, – размышлял паренёк.

Когда Тимоха с Карпухой заняли места рядом с кучером, тот наконец дал волю и коню, и себе.

– Но-о-о, давай, родимый, первыми будем, – орал во всё горло разгорячённый Санька, погоняя Гнедка.

Полная луна, словно фонарь, висевшая на звёздном небе, дорогу освещала, как по заказу. Путь недлинный – чуть поболе версты, но мороз начал давить. К озеру приятели подъезжали, применив доху по назначению и плотнее запахнув полушубки.

– Определили нас едетские, – буркнул недовольно Карпуха.

Возле иордани топтались молодые мужики и парни из двух ближайших деревень. Баб и девок с собой никто не

взял: не женское дело по морозу ночью святую воду добывать.

– Чего-то поп опаздывает, однако, – крикнул кто-то нетерпеливый.

– Батюшка задерживается, значит, причина есть, – урезонил торопыгу едетский мужик, вырубавший прорубь и следивший за порядком по поручению общества. – А вот и он едет. По-о-осторожитесь мужики-и-и!

Подкатила кошёвка, запряжённая шустрым коником, из которой выбрался священник. Сбросив тулуп и поправив на себе облачение, он приступил к чину освящения воды. Окружающие ждали окончание обряда молча, заранее покурив для сугрева.

– А теперь православные можете набирать воду, – в конце произнёс батюшка и, укутавшись в остывший тулуп, отбыл восвояси.

– Мужики, набираем по очереди, а кто купаться – обождите, – объявил всё тот же распорядитель крещенской церемонии. Жаждающие стали подъезжать поближе к иордани и зачерпывать ведрами долгожданную водицу.

Санька с друзьями проделали то же самое, заполнив кадку под самый верх. Надёжно закрепили крышку и, крикнув: «С Богом!» - тронулись домой. Курева они с собой не взяли, а выпивать ещё не научились. Назад дорога казалась длиннее, а мороз щипал за щёки и покусывал пальцы в пимах и рукавицах.

– Давай срежем вон тот крюк, – предложил продрогший Карпуха другу.

Санька потянул за левую вожжину, и конь двинулся по малоснежному полю напрямик. Под горку сани катились, как по маслу. Гнедок прибавил ходу. Неожиданно всех подбросило, будто неведомая сила приподняла землю. Пацаны вылетели из саней вместе с кадкой, облитые водой.

– Тпру, тпру-у, – вопил перепуганный Санька.

Друзья, не успев очухаться, бросились к драгоценному грузу. Кадушка валялась пустая, но целёхонькая, а вокруг потрескивал снег, впитывая быстро замерзающую воду.

– Ой, прибьёт меня тятя, – выдохнул главарь ватаги. – Чё таперича делать?

– А давайте за огородами в проруби воды наберём, – предложил Тимоха. – И никто не узнает, только все молчок. Так и сделали.

Дома Саньку поджидал отец. Вдвоём они перетаскали воду, чтобы не замёрзла, и лишь потом легли спать. Наступило Крещение – один из великих православных праздников.

Утром Санька проснулся из-за громкой ругани отца. Рассвирепевший Тихон Иванович ворвался в избу, обдав всех морозным паром.

– Где этот варнак? – поднял крик глава семейства.

Вожжами, захваченными в пригоне, он пару раз врезал по одеялу, прикрывающему старшего сына. Санька подскочил и получил ещё несколько жгучих и обидных ударов. Мать бросилась унимать разбушевавшегося не на шутку отца и насилу с ним справилась.

Оказывается, Тихону Ивановичу с утра пораньше «доброжелатели» донесли о ночной проделке лихих наездников. Кто выдал? – так и осталось тайной за семью печатями.

К обеду женская половина семейства приготовила обильное угощение – начинался «мясоед».

– Мясоед, мясоед, ест от пуза старый дед! – кричали ребяташки, бегающие по деревне.

Санька ещё потирал побитую спину, не глядя отцу в глаза, но к вечеру тот, приняв на грудь, оттаял и больше не ругался. Про курьёз этот, случившийся в Крещенский сочельник, долго потом вспоминали в семье...

P.S. Давно нет на белом свете Саньки. Сгинул он на войне – не устоял против фашистской пули. Осталась после него память и дочь-сиротинка.

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В старое время у одного мужика провинилась жена, да крепко так провинилась – за неделю три раза успела.

Во-первых, готовила обед и пересолила щи. Сынок-то, хитрюга, смикитил что к чему – разбавил варево водой и схлебал, как ни в чём не бывало. А хозяин таких щец есть не пожелал и вылил их собаке, пушай хоть та порадуется.

Во-вторых, пяток дней назад отправилась жинка вечером к куме по важному делу и задержалась до первых петухов. Что происходило в избушке у кумы? – доподлинно осталось тайной, но запах браги с собой бабёнка принесла стойкий и любому ежу понятный.

Мужик в тот вечер долго не ложился спать – ждал свою благоверную, даже кнут, с которым обычно летом пас скотину, занёс в избу и положил у порога для остротки. Собрался было дойти до кумы, но внутренний голос его остановил, посоветовав не позориться на всю деревню со старым кнутом. С утра объявил он супружнице бойкот: перестал с нею разговаривать.

А в третьих, буквально на днях заезжала непутёвая жинка на коне в ограду, а ворота отворить, как полагается, поленилась. Повозка встала наперекосяк, зацепившись правой оглоблей за столб, и заклинила – ни туда, ни сюда. Вознице по-хорошему надо бы слезть, оглядеться и попытаться сдать назад. Так нет, торопыга понукнула коня, а тот с перепугу рванул и, сломав оглоблю, влетел на подворье. Лучше бы сына Ванюшку попросила! Он-то гораздо ловчее проделал бы эту нехитрую операцию.

А между тем весёлое времечко подоспело: Масленица. Народ весну встречает – отводит душу после холодов.

Мужик сидел в избе один, как сыч, и носа со двора не показывал. Заходил как-то шурин и пытался помирить родню, но ничего из его затей не получилось. Вся надежда оставалась только на прощёное воскресенье, которое наконец-то подоспело...

В этот день супружница, как обычно, поднялась спозаранку и хлопотала по хозяйству. Мужик лежал на кровати один и, тяжело вздыхая, думал нелёгкую думу:

– Если не помиримся, то Великий пост – псу под хвост.

Пришли на ум наставления покойного тестя, старика справедливого и всеми уважаемого:

– Коли взял ты девицу в жёны, то должен за неё отвечать полностью перед людьми и Богом: учить неумеху, если нужда будет; воспитывать, чтобы тебя уважала и почитала как хозяина в семье; прилично одевать и дарить украшения, чтобы не стыдно было на́ люди показаться. И ещё надо уметь прощать. Кто умнее, тот и первым пойдёт на уступки.

От пришедших мыслей мужику немного полегчало, будто камень с души сдвинулся.

Покончив с обычными первостепенными делами, порог горницы переступила виновница конфликта. Опустив глаза, она приблизилась к супругу.

– Прости меня муженёк, была я не права и наломала дров, – раскаявшимся голосом произнесла возжелавшая вернуть семейные отношения в правильное русло жена.

Она присела на краешек кровати и с плохо скрываемым волнением ждала ответа.

Мужик лежал неподвижно, не размыкая век. Внутри него, как будто боролись две сущности. Одна настаивала на продолжении противостояния, а другая предлагала мировую. Повисла неловкая и звенящая, как летняя муха, тишина. Действо не на шутку затягивалось. Набрав в грудь воздуха, мужик открыл глаза и привстал.

– Ладно, – заявил он. – Прощаю тебя, и ты меня прости, ежели чего не так сотворил или с языка сорвалось непотребное слово.

Жена всхлипнула и бросилась к нему в объятия.

Дальнейшую картину описывать крайне неудобно ввиду возможного прочтения этой правдивой истории отроками, мировоззрение у которых ещё не вполне сформировалось. Так что, не обессудьте, люди добрые.

ЧТО ОСТАНЕТСЯ ПОСЛЕ МЕНЯ

НАТАЛЬЯ СОРОКИНА

ДОРОГА НАЧИНАЕТСЯ С ТРОПИНКИ

В жизни Евгении Климентьевны Русаловой, словно в зеркале, отражается судьба очень многих русских женщин. Конечно, у каждой своя жизненная дорога. У Евгении Климентьевны она начиналась восемьдесят лет назад с узенькой тропинки, по которой топали босые ножки Женечки Козютенко...

Родилась она в большой, дружной и трудолюбивой крестьянской семье в поселке Лаврентьевка Кустанайской области в Казахстане. Родители, Климентий Михайлович и Василиса Васильевна, с детства прививали своим сыновьям Ивану и Саше, дочкам Анастасии и Жене доброе отношение к людям, любовь к труду и песне. Отец и мать чудесно пели, любимыми были певучие, мелодичные украинские песни. Старшая дочь Анастасия, сельская учительница, играла на гитаре, и всё село заслушивалось песнями этой семьи.

Когда началась война, Жене было восемь лет. Отец и братья в первые же дни войны ушли на фронт. Перед отъездом Климентий Михайлович переписал все песни, что пели семьей, и наказал Василисе Васильевне: «Учи Женю, она должна вырасти образованным человеком. И пусть наши песни всегда звучат у нас дома».

Но война внесла свои коррективы в жизнь всех людей. Женя вместе со сверстниками работала в колхозе на прополке полей, ухаживала за овечками в овчарне. Кроме этого нянчила троих детей своей старшей сестры Анастасии, потому что все взрослые были на работе – всё для фронта!..

А с фронта шли в дом письма, полные любви, заботы, тревоги. Их так ждали, эти треугольнички, читали и перечитывали, молились и надеялись: вернутся родненькие живыми. Но не минули чёрные вести этой семьи. В 1942 году по-

гибли в боях Климентий Михайлович, старший сын Иван и зять Пётр Борисович Черкасов. Теперь письма приходили только от Саши. В письмах он писал, как любит всех, скупает. Что уверен – враг будет разбит, именно так он написал в своём последнем письме в 1944 году. А через неделю в дом пришла похоронка.

Никто не знает, сколько горючих слёз впитал в себя плащик, в котором хранятся дорогие реликвии – письма с фронта, ставшие самой ценной семейной реликвией.

...А вскоре на жизненной тропе рядом с Жениными следами появились ещё одни: вернулся с фронта Алексей Русалов, друг её братьев. Раненый, с осколками, но главное – живой! Окружил Женю заботой, любовью – и за себя, и за погибших братьев, и за отца... Дождался, когда девушке исполнится 18 лет, и образовалась новая семья – дружная, красивая, счастливая и певучая. Алексей играл на балалайке, Женя пела и свои песни, и отца, те, на которых выросла и которые навсегда в сердце.

Жили молодые на станции Кушмурун. Муж, отказавшись от инвалидности по ранению, работал в военизированной охране.

И вот пришло время – маленькие следочки детей оставляют свой отпечаток на жизненной дороге рядом со следами родителей. В 1953 году родилась старшая дочь, Наталья, в 1955 году – сын Сергей. А тут – бурное время, освоение целины. Молодая семья переехала во вновь организованный совхоз имени Чернышевского. Это всего-то двадцать пять километров от родной Лаврентьевки, но Русаловы уже – целинники! Алексей работал шофёром, Евгения окончила вечернюю среднюю школу, трудилась телеграфисткой на коммутаторе, санитаркой в больнице, а потом нашла своё место в школьной библиотеке, где и доработала до пенсии. В 1959 году родилась младшая дочь – Лена.

Жизнь целинная хоть и нелёгкая, но такая интересная! Сами – молодые, энергичные, дети растут. Первое время жили в землянке, потом построили дом, в котором и жили

дружной семьёй. У дома в первый же год посадили тонкий прутик клёна. Сейчас он великаном возвышается над крышей. Хоть и не живут уже Русаловы там, но в памяти он остался навсегда – и тот дом, и тот клён.

Всё хорошо было в их семье, но ведь так не бывает, чтоб без испытаний, без ударов судьбы. Чёрной молнией ударило по сердцу Евгении Климентьевны несчастье – погиб в аварии сын. Двое детей остались без отца... Как тяжело родителям хоронить своих детей! Поддерживая друг друга, родителя пережили это горе. Обе дочери семьями уехали на строительство КАТЭКа в Сибирь, но каждый год весной привозили к родителям внуков на всё лето. Дети удивлялись: «Почему у нас всегда зима, а у бабушки с дедом всегда лето?» И снова шумно, весело, звучат песни – деду и бабушке подпевают внуки.

К памяти в этой семье вообще относятся трепетно – не просто хранятся в платочке письма с фронта. Старшая дочь, Наталья Алексеевна, педагог-историк, даже сейчас, будучи на пенсии, встречается со школьниками, рассказывая им о войне, читает письма-треугольники. Из рук в руки передаётся кусочек металла – осколок, извлечённый из раны отца. Мальчишки примеряют военную гимнастёрку, душой прикасаясь к далёкому прошлому. А сколько стихов посвятила дочь матери, отцу! Это тоже предмет особой гордости Евгении Климентьевны. Она и сама писала стихи, идущие от сердца, они не могут оставить слушателя равнодушным.

Когда улетела «с клином журавлиным светлая солдатская душа», когда ушёл из жизни Алексей Иванович, дети перевезли мать из Казахстана в Шарыпово. Но «дом под клёном» остался в памяти, как и вся жизнь, прожитая в том доме. Стала сибирячкой Евгения Климентьевна. Со временем затягивается рана на сердце, помогает и то, что рядом дети, внуки. Вот недавно гостила в Красноярске у старшей внучки Светланы.

А ещё Евгения Климентьевна стала своим человеком в творческом клубе «Вдохновение». Она старается посещать

каждое мероприятие, с удовольствием слушает песни, стихи местных авторов и, немного смущаясь, читает свои. Для клубовцев тётя Женя – родной человек.

Для кого-то носочки свяжешь,

А кому-то тёплые варежки.

Слово доброе вовремя скажешь,

По головке погладишь, как маленьких.

Тётя Женя, тебя я люблю! – каждый из клуба подпишется под этими словами.

Здесь, в клубе исполнилось то, о чём Евгения Климентьевна и мечтать не могла. В коллективные сборники «Когда приходит вдохновение» и «Калейдоскоп» включены стихи и рассказы Е. К. Русаловой. Как член литературного клуба «Феникс» села Шушь, Евгения Климентьевна участвовала во Всероссийском конкурсе «Победа-2017», и в числе других ей была вручена медаль за участие. В прошлом году ей исполнилось 86 лет, а на 85-летний юбилей дети и внуки сделали ей бесценный подарок: в Красноярском издательстве «ЛИТЕРА-принт» была издана «Мамина книга», автором которой является Евгения Климентьевна Русалова. В сборник вошли стихи и проза тётки Жени, и это стало ярким праздником не только для неё, но и для всех клубовцев из «Вдохновения» и «Феникса».

Так пусть же длиннее будет жизненная дорога хорошего человека Евгении Климентьевны Русаловой, протоптанная следами родных ей людей, по которой идут уже не только внуки, но и правнуки. А ещё рядом с ней много друзей, которые всегда помогут, поддержат, подставят плечо. И дорога жизненная становится с ними шире, ровнее, веселее.

У КАЖДОГО СВОЯ ДОРОГА К БОГУ

· У каждого своя дорога к Богу. Кто-то приходит к Нему благодаря случаю, а кому-то служение Господу предназначено свыше.

Прапрадед отца Иоанна Морозова Иоанн Романов был Благодичным Курской епархии. Ему был дан свыше дар излечения немощных при помощи молитвы. Славился он этим – много больных, исцеленных батюшкой молились за его здоровье благодарно. В смутные времена революции, когда гонения на церковь и священнослужителей истребили множество храмов и священников, отца Иоанна миновала эта доля. Очень болен был комиссар, и батюшка его вылечил – именно своими молитвами, своим необыкновенным даром. В благодарность за это ему была выдана охранная грамота и долгие годы никто не тревожил ни храм, ни самого батюшку. Все так же шли службы, молились в храме прихожане. Но после того, как умер или погиб комиссар, перестала действовать охранная грамота, выданная им.

И стал для изгнанников родным Казахстан. Здесь и родился в семье Морозовых мальчик Ваня. Учился в школе, еще и не предполагая о своем предназначении в этой жизни. Родители торговали фруктами, и купеческая жилка проявилась у мальчишки с раннего детства. Ему шел пятый год, а он уже предложил родителям: «Давайте купим маленьких цыплят – на них мало денег потратим. А когда вырастут, большие станут и денег за них много дадут.»

Семья переехала из Казахстана в Красноярский край, Ермаковский район. Бывшие жители Курска стали сибиряками. Ваня поставил перед собой цель: купить не велосипед, не мотоцикл, а машину. Несколько лет ловил рыбу, продавал ее в селе, потом организовал продажу в окрестных селах. И к девятнадцати годам у него уже были права водителя и собственный автомобиль «Запорожец» с совсем небольшим пробегом. Были после этого другие машины – презентабельные и дорогие, но тот белый «Запорожец» для

него и сейчас дороже всех: он не на родительские деньги куплен, а сам своим трудом заработал.

Дальше – больше. С транспортом легче было организовать дело. По селам открыл пункты приема дикоросов, грибов, лисички импортировали за границу. Металлоломом занялся – подобрались единомышленники, друзья, помощники. Деньги потекли пусть не рекой, но уже не слабеньким ручейком. И если раньше радовался доходу в десять тысяч рублей, то теперь счет шел на сотни тысяч. Доходы росли, а вот счастья от этого мятежное сердце не испытывало, что-то другое нужно было душе. А там пошли всякие проблемы, кредиты, долги... Деньги приходили и уходили, но жадности, жалости не было. Металась душа молодого предпринимателя, искала смысл жизни. А это просто зашептала-зароптала-заговорила кровь предков. И проезжая мимо сельского храма, все чаще хотелось остановиться, зайти и поклониться святым иконам. А с другой стороны, вроде, как и неловко – что люди подумают, скажут?..

Но однажды, все же оставив в стороне машину, подошел к храму и, торопясь, оглядываясь, перекрестился и зашел в храм. словно под крылом родным оказался – так светло, так благостно на душе стало, а запах ладана – словно откуда-то из давних веков привет...

После этого раз, и другой да третий заходил. А как-то с друзьями-предпринимателями зашел, и уже не таясь, не прячась заходили они в храм, молились – не просто так, а от души: она этого требовала. С батюшкой разговаривали, и все чаще кровь кипела-бурлила: «Бросай все! Становись священником!». Но с другой стороны – у него столько работников, у которых семьи, как их оставить без дела, без дохода?

Подружился с отцом Георгием, он казался тянущемуся к вере парню святым, как Господь Бог. Долгие, проникновенные беседы-проповеди сделали свое дело – вернули заблудшую душу на путь истинный.

А помощник отца Георгия Дмитрий стал для Ивана не просто другом, а крестным его сына – в то время у него уже была семья, дети.

Получая от храма благость, сам много жертвовал на его нужды, помогая всем, чем мог – деньгами, техникой, продуктами.

Пришло время, рукоположили Иоанна Морозова в дьяконы в храм Казанской Божьей Матери в селе Малая Минуса. И поверил молодой дьякон в святые чудеса: только он подошел к храму, остановился, осматриваясь, как вдруг двери сами распахнулись, и Иван сказал сопровождавшему:

– Не говори ничего. Я буду настоятелем!

Храм был заброшенным, иногда в нем проводил службы батюшка, приезжавший из Минусинска. Обстановка была удручающая, а запах, стоявший в храме, совсем не соответствовал предназначению здания – здесь долгое время хранили dust.

И начались работы. Молодой дьякон привлек своих друзей, технику, средства. Сорвали пол, очистили, сделали теплые мраморные полы. Восстанавливать помогали и прихожане, и меценаты, а досужие люди говорили, что деньги выделила епархия и государство.

Начались службы в храме, все пошло как надо. Потянулись люди к вере святой, к истокам своим. Шли к батюшке и с бедами, и с радостями, за помощью шли, и чтобы помочь. Вот тогда и почувствовал молодой батюшка себя и богатым, и счастливым. А однажды угнали машину отца Иоанна. Он не стал писать заявление в милицию, а через некоторое время машину вернули, правда, требовался ремонт.

Во время службы дьяконом Иоанн Морозов поступил в Томскую духовную семинарию, окончил ее.

Несколько раз убеждался он в святых чудесах. Однажды ехали с отцом Георгием в храм Феодора Томского, и Иоанн вез на груди мощи Святого. На улице мороз -25 градусов, а

у него куртка расстегнута, жарко. «Это мощи святого греют тебя» – объяснил отец Георгий.

В храме Казанской Божьей Матери отслужил отец Иоанн полтора года, а после его перевели в священники, рукоположили настоятелем этого храма. А в 2014 году был переведен настоятелем храма Николая Чудотворца в селе Парная Шарыповского района. Отдали ключи. И первая служба должна состояться на Пасху. Почти месяц не было в храме прихожан, одна только баба Валя, старожилка, звонница. С нею молились, разлетался по округе чудесный звон колокола. И стали заходить – кто из любопытства, кто – по зову души. Между тем новый священник взялся приводить в порядок сам храм и дворик храма. Начал красить забор, а он старый – краску впитывает, как губка. Матушка помогала, баба Валя. А тут идут мимо детишки, интересно им и попробовать красить самим хочется. В конце концов получилось почти как у Тома Сойера. Батюшке нужно было лишь руководить добровольными помощниками, которых собралось аж восемнадцать человек!

И во дворе храма, и в самом здании стало уютно как дома. Большую роль в этом сыграл и сам отец Иоанн. Его трепетная душа нашла свое место, которое было предназначено ему свыше давно, и люди тянулись к этому духовному и душевному человеку. Всякий, на чью голову легла рука батюшки, благословляя, чувствовал тепло и благодать, веру в добро, и хотелось тоже творить добро для других во имя славы Божьей.

Для детишек поселка открыл воскресную школу, и дети тянулись к нему, как к теплу, как к свету, как к очень нужному и близкому человеку. Причем, не только те дети, которым дома не хватало этого по разным причинам, но и из благополучных, добрых семей. Для каждого находились у батюшки и слово доброе, и дело, которое интересно ребенку, и чашка горячего чая с булочкой.

Самого здания воскресной школы пока нет – строится, а занимаются дети в старом доме, что находится на террито-

рии храма. 150 лет этому дому, древний. Но с Божьей помощью и с помощью благотворителей оборудовали класс – подвесные потолки, пластиковые окна, стены гипсокартонном обшили, получилось и тепло, и уютно, и современно.

В строительстве воскресной школы большую помощь оказывают Ю.К. Зарубин, Н. К. Милюков, С. А. Терехов, Г. А. Малинин, семьи Назарько, Саенко, Фомичевых. Значительный вклад в благое дело вносят многие прихожане и миряне. И как возродился, живет полноценной жизнью храм – проходят службы, совершаются Таинства Крещения, исповеди, так скоро и воскресная церковно-приходская школа села Парная начнет отсчитывать дни, месяцы, годы своей активной жизни.

Отец Иоанн – личность творческая, тесно сотрудничает с шарыповским творческим клубом «Вдохновение» им. Л. Вишняковой. Клубовцы были гостями в храме – проводили Покровские чтения. Дети и прихожане познакомились с местными авторами, слушали их стихи, рассказы, песни, посвященные этому Светлому празднику.

Отец Иоанн Морозов – автор двухтомного издания «Верую, Господи!». В книге изложена жизненная позиция молодого священника, в доступной форме проповеди, которые учат отличать добро от зла, светлое от тёмного, учат жить по-божески и по-людски. Презентации этих сборников, проходившие в Центральной городской библиотеке, собрали много народа. Такая благодатная, душевная атмосфера витала в зале, что никому не хотелось уходить. В завершение батюшка подарил каждому присутствующему свою книгу с автографом. И все средства от продажи книг он направляет на строительство воскресной школы.

Отец Иоанн Морозов окончил Хакасский государственный университет по специальности педагог-психолог. У него четверо детей, которые растут не просто в благополучной семье, но и с детства приучаются жить по Божьим законам. Кстати, в их семье уже больше десяти лет традиция: к Новому году и к Рождеству Христову собирают подарки для

детей. И если в первые годы это было 20 – 30 подарков, то сейчас – до сотни. Дети раскладывают по пакетам сладости, фрукты, и если чего не хватает, то они из своих пакетов возьмут, чтобы положить в детский подарок.

«Дело деда-прадеда – мое любимое дело. Творить добро ради Бога, для Бога и для людей. Чтобы были благие всходы, нужно сеять благие семена» - это жизненное кредо молодого, но такого мудрого батюшки Иоанна. Он уже сделал немало – во многих душах дали благие всходы семена, посеянные батюшкой. А сколько их еще будет! Ведь впереди у него долгая светлая жизнь и такое большое благодатное поле для «посева» - души прихожан, открытые неравнодушному сердцу пастыря.

АЛЕКСАНДР БЕЛЯНИН

ЕЁ ПРИЗВАНИЕ – УЧИТЕЛЬ

Когда я иду мимо цветущего сада Шушенской школы, то постоянно слышу громкие голоса детей: «Зоя Ивановна! Зоя Ивановна!»... Это происходит постоянный процесс благоустройства территории, прилегающей к школьному зданию. А руководит данным процессом учитель физкультуры и ОБЖ Назарова Зоноэфа Алоизовна.

Это уважаемый учениками, коллективом учителей и жителями села человек.

Зоя Ивановна - так называют её шушенцы. В октябре 2015 года ей исполнилось 55 лет. Привлекательная, стройная и вместе с тем очень скромная женщина. Корни её тянутся на юго-восток Латвии. Зоня родилась на хуторе близ посёлка Малта рядом с одноимённой рекой, Резекневского района. Её родители Элеонора Осиповна и Алоиз Янович Мяня – трудились в совхозе, вели подсобное хозяйство. Своих шестерых детей они воспитали достойными людьми.

С малых лет Зоня и её три брата и две сестры познали труд, помогая своим добрым родителям. В 1968 году Зоня пошла по узенькой, извилистой тропинке в первый класс – постигать азы знаний, а также – учиться жить по совести. Активно занималась спортом (лыжи, гимнастика). По окончании школы поступила в СПТУ-14, которое находилось в посёлке Резекне. После двух лет обучения работала токарем на инструментальном заводе. При этом не прерывала занятия спортом, участвовала в районных и республиканских соревнованиях, получая заслуженные призы.

Наблюдая за Зоей Ивановной, мне хотелось узнать: как эта женщина с грустными глазами из тихого латвийского хутора, с журчащими ручьями и порхающими над лугами бабочками, попала в не менее прекрасный сибирский край? Комсомолка, спортсменка, красавица Зоня всё время жила с мечтой: уехать на Всесоюзную комсомольскую стройку ве-

ка – БАМ, но судьба распорядилась по-своему, и в 1982 году она приехала на КАТЭК – тоже великую стройку. Устроилась на работу в «КАТЭКэнергострой» на рабочую, почётную должность токаря.

В досужее время продолжала заниматься спортом. В сентябре того же года вышла замуж за Владимира Назарова, который вслед за ней прибыл в город Шарыпово (они были знакомы ещё по латвийским просторам). В 1988 году вслед за мужем она прибыла на жительство в село Шушь. Здесь в то время предполагалось большое строительство жилых домов (МЖК – молодёжный жилищный комплекс) силами молодых крепких рук, а муж стал бригадиром этого строительства. Всё это строилось на базе совхоза «Энергетик». Большим планам помешала перестройка в стране, но всё же те семь домов, которые успели возвести, до сих пор стоят и радуют души их жильцов. К этому времени у Назаровых было уже два сына – Кирилл и Фёдор. Зоя Ивановне пришлось работать на стройке, а затем в детском саду, находящемся в селе.

И вот наконец-то она стала учителем физкультуры в шушенской школе. С тех пор спортивная жизнь учеников заметно оживилась. В погожие осенние дни – футбол, а снежною зимою – лыжи. А когда соорудили хоккейную площадку, то и хоккей, хоть и любительский, поскольку мало учеников в школе. Но приятно слышать здоровый, задорный смех, который звучит над этим спортивным сооружением. Учитель физкультуры – Зоя Ивановна – не стоит в стороне, а сама является участником состязаний школьников. А вот она скользит по накатанной лыжне...

Движение ума и тела – вот её девиз по жизни. Вот и весь секрет её стройности и красоты! Недавно Зонозфа Алоизовна окончила Астафьевский педагогический университет по дисциплине ОБЖ (основа безопасной жизнедеятельности). Теперь у неё два высших образования. Можно только удивляться: как она всё успевает? К тому же она принимает активное участие в общественной и культурной жизни села,

ставшего ей родным. Она является председателем участковой избирательной комиссии. И когда я наблюдаю, на первый взгляд, за вроде бы хрупкой женщиной, то диву даюсь: откуда она черпает силы для такой жизнедеятельности на благо общества? Из её груди исходит энергия добра, душевного тепла, которого хватает и на людей, окружающих её, и на детей, и на внуков.

Как только я заговорил с ней о работе, её грустные глаза начали излучать яркий свет. Больно наблюдать, как в холодные зимние дни она с учениками занимается физическими упражнениями на улице, а в слишком морозные дни – в узком коридоре маленькой школы. Ни она, ни ученики не ропщут по этому поводу, понимая трудности в экономике страны, но с большой надеждой смотрят в будущее: появится-таки возможность у руководства района на постройку спортивного зала. Ведь население сёл Шушенского сельсовета с каждым годом растёт! Всё больше детских голосов слышится в школе. «Здесь нам негде расправить крылья», – с грустью в голосе говорит мне Зоноэфа Алоизовна Назарова.

Я, заряжённый её энергией, не спеша уходил, а за моей спиной слышались детские голоса: «Зоя Ивановна! Зоя Ивановна!»

Своим призванием – учитель – она гордится. Так пожелаем же этой замечательной во всех отношениях женщине крепкого здоровья, счастья и много радостей в жизни!

НАДЕЖДА МОЛОКИТИНА

СЛУЖБА НА ЗЕМЛЕ РОССИЙСКОЙ

С началом развития железнодорожного транспорта в России появились предпосылки для создания специализированных органов правопорядка. На каждой железнодорожной станции было образовано линейное управление милиции. На них возлагались обязанности по обеспечению порядка и безопасности на объектах транспорта. К таким обязанностям относились: борьба с кражами на станциях и путях, с хищениями и спекуляцией; охрана порядка в местах скопления пассажиров; надзор за санитарным состоянием путей и других железнодорожных объектов т.д.

Карусель заботы окружила нас

В будничной работе каждый день и час.

Станции, вокзалы, мчатся поезда.

Нас судьба связала с ними навсегда.

В поселке Инголь линейный отдел милиции образовался в 1968г. Первые работники: начальник милиции капитан Деякин Владимир Константинович и старшина милиции Парфенов Анатолий Николаевич. Через три года сюда был направлен из Ачинска Кушнир Александр Андреевич. Они обслуживали участок от Красной Сопки до Кия-Шалтыря. Работа ингольской милиции касалась не только железной дороги, но и жизни поселка.

Поезда, суда и самолеты

Каждый день уходят в путь неблизкий.

С ними наша связана работа,

Наша служба на земле российской

В наших буднях трудностей немало,

И всегда опасность ходит близко.

Чтобы жить спокойнее всем стало,

Наш успех не может быть без риска.

У милицейской службы есть одна особенность: ее можно ощутить, лишь проработав в ОВД несколько лет. Деякин

В. К. проработал два года, Парфенов А.Н. и Кушнир А.А. – оба более двадцати лет. Во все годы Дорожный отдел милиции и его низовые подразделения имели стабильно высокие показатели оперативно-служебной деятельности. Лучшие из лучших награждались правительственными наградами.

Парфенов А.Н. был награжден двумя медалями за безупречную службу. Кушнир А.А. – ветеран труда, имеет медаль за 20-летие безупречной службы, медаль «Службе - польза, Отечеству - слава» к 200-летию МВД.

В разные годы в п. Инголь в транспортной милиции работали Харьков В., Хлебопашников В., Коротцева Л. (детская комната милиции), Панов А., Мельниченко В., Емельянов А., Горбунов В., Третьяков А.

Железная дорога всегда считалась идеальным местом крупномасштабных преступных действий. Обстановка, в которой работают милиционеры транспорта, зачастую приближена к боевой, ибо сопряжена с риском для жизни. Бывший работник милиции Кушнир А.А. вспоминает свой первый рабочий день, первое самостоятельное дежурство: пострадала женщина, 15 ножевых ранений. Всю ночь Александр Андреевич просидел в засаде. И не зря. С помощью опытного напарника задержал преступника. А первую награду Кушнир получил, когда в поезде задержал подозрительного человека. Оказалось – бывший заключенный, с обрезом.

Много таких случаев вспоминал при жизни и Парфенов А.Н.

А сколько времени проводили милиционеры в командировках. В 70-хх гг. во Владивостоке генеральный секретарь СССР Брежнев Л.И. встречался с Президентом США Генри Фордом. А наш земляк – Кушнир А.А. – охранял поезд, где они встречались. Он же стоял в охране, когда мимо Ачинска проезжали следователи поезда, где находились глава Кореи Ким Эр Сен и министр обороны Кубы Рауль Кастро.

Ведь с детства нам слова знакомы.

Их знает каждый наперед –

Моя милиция законом
Мой труд и отдых бережет.

Кушнир А.А. гордится не тем, что раскрывал преступления и задерживал виновных, а тем, что ни разу за все эти годы не применил оружия, ни разу не выстрелил в человека. Только вверх стрелял. А самой дорогой своей наградой считает транзистор «Альпинист», подаренный ему к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина с гравировкой «Победителю соцсоревнования». Еще повезло Александру Андреевичу, что у него был надежный тыл за спиной: жена, дети, горячий, вкусно приготовленный ужин, конечно же, любовь.

Ты прости, родная, что опять
Вызов на работу в ночь-полночь.

Чтоб не дать кому-то пострадать,
Должен я успеть ему помочь.

Трудную службу на железнодорожных магистралях несут сотрудники транспортной милиции. И пусть те, кто придет на охрану правопорядка на транспорте через десятки и более лет, знают о своих предшественниках, о тех условиях, в которых им приходилось трудиться, бороться с преступностью, и приложат все усилия, знания, опыт для выполнения своего служебного долга.

Недавно читатели заполняли Анкеты своих предпочтений. Все, от 7 до 70 лет. А сейчас мы проводим Акцию к празднику Победы под названием «Прочти книгу о войне».

В планах библиотеки участие в районном Смотре-конкурсе «Читатель-2011».

Вот так мы и живем.

Отец ИОАНН МОРОЗОВ

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ

Уважаемый читатель, каждый из нас помнит свой самый лучший день в жизни. У каждого он свой. Кто-то вспомнит свой день рождения, когда к нему пришли друзья, дарили подарки, ели торт, пили лимонад, весело играли и все поздравляли именинника с днём рождения. Кому-то на ум придёт воспоминание о первой любви... Для кого-то это подаренный велосипед, мопед, мотоцикл. Мужчины вспомнят плоды своей большой любви от любимой жены, рождение детей, начиная с самого зачатия. А, может быть, кто-то вспомнит, как он впервые переступил порог храма и ощутил всеобъемлющую любовь Божию?!

Для моего дедушки Ивана Афанасьевича самый лучший день, я думаю, когда все дети с внуками собирались у него дома за праздничным столом. В детстве он познал нищету и голод. С шести лет ходил по миру с сумой за плечами, прося подаяния. У него друг был, тоже Иван, ему ровесник, с которым ходили по миру. В котомках приносили домой, что Господь подавал через добрых людей. Мой дедушка свою маму с сестрёнками спас от голодной смерти.

Это сейчас мы, если мальчику шесть-семь лет, считаем его маленьким, а в то голодное время он был в этом возрасте кормильцем! Вот и ходили, колесили по казахстанским степям и весям два Ивана в поисках пропитания. Однажды зимой шли с котомками за плечами от одного села к другому, а вслед за ними стая волков. Было страшно, шли молились. Господь отвёл беду. Когда дедушка вырос, выучился на шофёра, родил пять детей с бабушкой Анной. Построили большой кирпичный дом. А сначала жили они с бабушкой в землянке. В одном чайнике варили свёклу, затем кипятили чай. Только сейчас я понимаю, почему дедушка сидел за праздничным столом, а в глазах у него ино-

гда стояли слёзы. Это были слёзы радости, слёзы счастья за сытых и счастливых внуков.

Меня назвали в честь дедушки Иваном. Вместе с именем и фамилией мне передалось его доброе и милосердное сердце! Я не могу проходить безучастно мимо голодных, холодных, мимо людского горя. В детстве я много времени проводил в гостях у дедушки с бабушкой и очень их любил, люблю и не перестаю любить. С годами эта любовь стала только осмысленней и благодарней! Сейчас уже много лет нет в живых дедушки и бабушки, но они живут в моём сердце. Каждый день утром, вечером и в Храме на богослужении они воскресают в моём сердце во время молитвы за усопших. Каждый день во время молитвы за дедушку и бабушку я бываю у них в гостях, в их большом кирпичном доме, в котором живет живых все мои родные! Поэтому для меня лучший день – это каждый день. Слава Богу, что Господь дал нам возможность в памяти воскрешать в своих сердцах то, что было и есть свято и дорого для нас! Аминь!

О НАСТРОЕНИИ И ГАРМОНИИ

Все мы мечтаем, чтобы у нас каждый день было отличное настроение. Наше настроение подобно радиоволнам, а наша жизнь – это радиоприёмник! Если мы хотим быть и жить в прекрасном настроении, нужно настроить свои «радиоприёмники» на Божественную волну. Существуют несколько десятков «радиочастот», которые напрямую связывают человека с Богом. Вот некоторые из них.

Молитва, идущая от сердца и обращённая ко Господу, ко святым. Дела милосердия, прощения, добра Христа ради! Любовь ко всем и вся, что нас окружает. Самая короткая частота, которая соединяет нас с Богом, это частица Святого причащения. Можно опытным путём искать частоты на своих «приёмниках», от которых нашим сердцам либо бла-

го, либо иго. А можно воспользоваться советами и опытом Православной Церкви для радости жизни.

. Ещё мы мечтаем жить в гармонии с самим собой, с людьми, с природой, с Богом. Гармония и гармонь – слова, имеющие один корень и одну суть. Для того, чтобы научиться играть на гармошке, нужно иметь учителя, который научит и покажет, на какие кнопочки нажимать и в какой последовательности. А «гармонь» сия, точно также, как и настроение – это наша жизнь! А кнопочки на ней – это те же самые добродетели, что и у настроения. Если знаешь, на какие кнопочки нажимать на гармошке, душа радуется от мелодии. Ибо эти «кнопочки» – добродетели, от которых в гармонии живёт вся Вселенная. Любой музыкальный инструмент нужно перед началом игры на нём настраивать. Как известно, в музыке главное – это ноты и правильное их расположение. В нотах зашифрован христианский смысл жизни.

Их, как вы знаете, семь, как и Церковных Таинств. Нота ДО – это добро, РЕ – реальность, МИ – милосердие, ФА – фанатизм (жертвенность), СОЛЬ – Христианство (Вы – соль земли, слова Христа), ЛЯ – люблю я, СИ – Спаситель Иисус. Это будет звучать примерно так: добро – реальное милосердие, жертвенность христианства, люблю Я Спасителя Иисуса! Кто владеет нотной грамотой, может ноты нажимать в любой последовательности, красота их и духовный смысл не изменяем! Христианское пособие для настройки на Божественный лад – это Святое Евангелие. Учитель – Иисус Христос!

Поэтому наша жизнь должна быть разнообразной в плане добродетелей. Нужно не только денно и ночью молиться, нужно творить добро, милосердие, прощать, людям помогать. Чтобы они, видя и чувствуя своей душой Божественные ноты нашей души, прославляли Творца этих нот и захотели настроить свои «музыкальные инструменты» (свою жизнь) на Божественный Лад. Аминь.

ЛИДИЯ НОВОСЕЛОВА

НАША ВЕРА

В июле у бывшей заведующей Ингольским ФАПом – Веры Павловны Кох состоялся юбилей. Как случается у людей, безраздельно занятых любимым делом, которым некогда следить за бегом времени, пенсионный возраст подкрадывается незаметно...

С юных лет Вера мечтала стать доктором и лечила всех: сначала кукол, котенка, сестренку и братика, отца-фронтовика, Павла Александровича, у которого в больной ноге периодически давали знать о себе – «шевелились» осколки от боевых ранений. Повзрослев, она серьезно увлеклась медициной и по окончании средней школы, поступила в Назаровское медучилище по специальности фельдшер-акушер.

В 1977 году молоденькая, но очень внимательная и любознательная фельдшер начала свою трудовую деятельность в Ингольском железнодорожном ФАПе. А вскоре чуткие и крепкие руки Веры уверенно, четко, и, главное, профессионально, заботливо и нежно могли выполнять любую медицинскую процедуру.

Наша Вера – так нарекли жители поллюбившуюся всем и сразу медсестру. Она успевала управиться с процедурами и в здравпункте, и на дневных и ночных вызовах, и на приеме в терапевтическом и детском кабинетах. В семейных делах, в личном хозяйстве у Веры Павловны также был полный порядок. А за эти качества в сельской местности сильно уважают.

Вера Павловна постоянно изучала все новое, что появлялось в медицине, совершенствовала свой профессиональный уровень до статуса практически семейного доктора: терапевта, акушера, хирурга и даже стоматолога.

После ухода на пенсию заведующей ФАПом она по праву заняла ее пост и руководила здравпунктом до перевода

его в 2009 году из статуса железнодорожного в статус муниципального. Не изменяя родной железке перешла работать в железнодорожную школу.

Через руки и сердце нашей Веры прошли боль и страдания не только пациентов, но и собственная семейная трагедия. В автомобильной аварии пострадал и на годы обезножил муж и отец двух ее сыновей Петр Сипков. В 1990 году он скончался. Но горе не сломило Веру. А судьба в награду за доброе сердце и золотые руки подарила ей в спутники жизни замечательного человека, с которым прожито уже более двадцати лет. При его поддержке и детей подняла, и на работе все успевала, и активно участвовала в общественной жизни поселка Инголь.

Два созыва Вера Павловна избиралась депутатом Ивановского сельсовета. У нее немало почетных грамот и благодарственных писем от руководства Красноярской дорожной и Ужурской линейной больниц, от руководства Шарыповского района и Ивановского сельсовета, от министра железных дорог России.

Но самая главная награда – благодарные глаза пациентов и заслуженное уважение односельчан! Пенсионный возраст для современной женщины – самый расцвет. А за плечами Веры Павловны сорок лет медицинского стажа! В полной мере удалось деревенской девчонке реализовать свою детскую мечту и заслужить почетное звание – Наша Вера.

Жители поселка Инголь и деревни Едет, желая своей уважаемой односельчанке здоровья, долголетия и семейного благополучия, искренне благодарят Веру Павловну за труд .

Такие люди, как Вы, нужны людям!

Друзья и сельчане, слов не жалея,

Вас поздравляют в год юбилея!

Вы света и силы душевной полны,

Ваш опыт и добрые руки нужны!

Любит и ценит Вас сельский народ,

Желает здоровья на годы вперед!

ЕЕ ГОЛОС – ЭТО ДАР БОЖИИ...

Ольга Михайловна...Ольга Ермолаева... Для нас на протяжении многих лет просто - Оля – наш музыкальный и художественный руководитель и прекрасный аккордеонист!

Человек творческий и незаурядный. Ее музыкальный талант был предрешен: отец – известный в нашем районе как самодеятельный баянист, прекрасный певец и самобытный композитор Антипенко Михаил Тихонович, всем своим детям дал музыкальное образование. Сын Валерий и дочь Наталья – профессиональные и талантливые баянисты, работают в музыкальных школах и домах культуры п.Дубинино и г.Назарово.

Дочь Ольга, получив музыкальное образование по классу аккордеона, вначале работала в ДК с. Ивановка, где смогла завоевать симпатии и уважение сельчан и руководства ДК, затем в сельском клубе и учителем пения в Ингольской школе. Замужество, рождение дочери, развал семьи не помешали ей утвердиться в профессии, а только укрепили любовь к музыке, жажду писать ее самой. Ольга переезжает в г. Шарыпово и, работая в музыкальной школе, не оставляет село. Она по-прежнему возглавляет творческие вокальные коллективы в с.Ивановка и п.Инголь.

В эти годы становления профессии, талант Ольги раскрывается другими гранями. Возглавляя три творческих коллектива: один в Ивановке и два в Инголе, она любые музыкальные композиции и песни перекладывает на инструмент: как на слух, так и по нотам, вдумчиво и творчески подходит к исполнению каждой песни, распевает и добивается четкого исполнения каждой партии, работая с непрофессиональными самодеятельными исполнителями. В эти же годы начинает Ольга сама писать музыку сначала к детским стихам – детские песенки.

Под ее руководством и благодаря ее музыкальным и физическим усилиям, вокальные группы «Сибирячка» в Ивановке и «Радостя» в Инголе, заявили о себе обширным и

богатым песенным репертуаром – более пятидесяти фольклорных, народных и лирических песен известных композиторов и коллективов, и долгое время в клубной системе Шарыповского района удерживали звание «Народных коллективов»! А вокальная группа «Радостея» в 2010г. была номинирована на международный фестиваль этнической песни «Саянское кольцо» в Шушенское.

С годами очень талантливо раскрылась композиторская грань ее таланта: Ольга пишет изумительную музыку на стихи поэтов Шарыповского района и края. Каждый композитор, как правило, узнаваем по только ему присущему стилю сочинения. У нее нет ни одной музыкальной композиции, похожей на предыдущую. Каждая написанная песня имеет свой особый стиль. В песнях о крае, о районе, о природе, о любви и разлуке, шуточных, задорных и лирических – слышится душа композитора!

Более 30 стихов поэтов Шарыповского района и края (Л.Вишняковой, Г.Русалева, Ю.Михайлова, Н.Сорокиной, Т.Антроповой, А.Белянина, Л.Сергеевой, Л.Дубовцевой, Л.Новоселовой и др.), переложенные ей на музыку, оказались прекрасными песнями, которые исполняет как сама Ольга, так и дети и творческие коллективы - «Озорные кумушки», «Сибирячка», «Радостея», «За околицей»!

Кроме того Ольга - это замечательная солистка. Ее голос – это дар божий...

Он льется, как весенний ручеек, и как полноводная река, будит в душе самые глубокие чувства и ее хочется слушать и слушать...

Мы желаем тебе, Ольга, творческого долголетия и неиссякаемого фонтана музыкальных шедевров!

НАДЕЖДА РУБАН

ХОЗЯЙКА КЛУБА

Центром культуры в селе является клуб. Сельчане не только в праздники приходят сюда, но и в будни для решения насущных вопросов. Вот уже 20 лет сельским клубом в селе Береш заведует Мария Михайловна Почебутова.

На Шарьповскую землю приехала в 1994 году из Назарова, где родилась в музыкальной многодетной семье Почебутовых Михаила Илларионовича и Ефросиньи Андреевны. Мария была младшим - восьмым ребенком. В Назарове прошли не только ее школьные годы. Окончив педагогическое училище по специальности - воспитатель детского сада, она начала свою трудовую деятельность в детском саду, которую продолжила в городе Шарьпово. Десятилетний стаж воспитателем детей и сейчас помогает ей очень быстро находить контакт с детками, понимание с родителями. Дети ее любят и уважают, клуб всегда наполнен детскими голосами. Сельчан это только радует. Во всех праздничных мероприятиях в Береше дети принимают активное участие с большим удовольствием. Мария Михайловна занимается с ними вокалом, разучивает танцевальные номера. Мастерство исполнителей растет с каждым годом. Об успехах творческого коллектива можно судить по ежегодным конкурсам детской песни «Огоньки Береша», проводимым в сельском клубе.

Мария Михайловна обладает отличными организаторскими способностями, своей увлеченностью, талантом, собирает возле себя всех творческих и активных людей села. Отдельно хочется сказать о сотрудничестве клуба с районной организацией инвалидов. В соседнем помещении находится клуб для сельских семей с детьми-инвалидами «Ветер перемен». Со дня основания этого клуба, уже два года, все мероприятия, праздники помогает организовать, а зачастую и полностью проводит, Мария Михайловна.

Вместе с семьей неравнодушных людей Михайловых Людмилы Ивановны и Сергея Николаевича помогает Мария Михайловна проводить встречи «У самовара» на их усадьбе в селе Береш для детей-инвалидов Шарыповского района и города Шарыпово. Благодаря таким мероприятиям, детям легче адаптироваться в жизни, увереннее шагать в будущее и добиваться успехов.

Мария Михайловна состоялась не только как работник культуры, но и как замечательная жена, с Владимиром Валентиновичем они живут в браке уже более тридцати лет, сын Александр закончил инженерно-строительный институт в Красноярске и получил диплом бакалавра.

На достигнутом она никогда не останавливается. Заочно закончила колледж культуры в городе Минусинске. Легко адаптируется к нововведениям и сама ищет новые подходы в работе. Все у этой женщины сложилось как надо.

В этом году исполняется 15 лет, как сдан в эксплуатацию новый клуб в селе Береш, и 15 лет фольклорной группе «Калинушка», которая была создана на несколько месяцев раньше, все той же талантливой Марией Михайловной. Мария Михайловна занимается не только клубной деятельностью, ей по плечу и общественная работа: она член партии «Единая Россия», член совета села. А еще в феврале этого года Мария Михайловна отметила свой 55-летний юбилей.

Все члены совета села, совета ветеранов, группа «Калинушка» и многочисленные друзья поздравили юбиляршу, пожелали крепкого здоровья, семейного благополучия и творческого вдохновения.

На всех мероприятиях клуба можно видеть только счастливые лица детей и взрослых, и она вместе с ними радуется жизни.

Благодаря таким людям, трудолюбивым, талантливым, сельчане приобщаются к культуре, не забывают традиции и обряды своего народа.

НАДЕЖДА САФИУЛЛИНА

ЕЙ НЕМАЛО ДАНО

(документальный рассказ)

*Ты неси на крыльях ветра
Золотые семена,
Чтобы солнечным рассветом
Возвратилась к нам весна.
В. Степанов*

Глава первая ДЕВОЧКА С ПОЕЗДА

Поезд шел на восток. В одном из плацкартных купе молодой офицер вез молоденькую жену на свою родину, в Сибирь. Там его приезда с нетерпением ждали родители. Они приготовили сыну сюрприз и изрядно волновались. И сам сюрприз тоже очень волновался. Люба ли она будет Сереже. Ведь когда он уходил на войну, девочка была десятилетним подростком, тайно влюбленной в соседа. С тех пор прошло девять лет: четыре – военных, а еще пять послевоенных. Тем временем девчушка стала совершеннолетней девушкой и в своем воображении рисовала разные подробности их встречи.

В поезде у Сережиной жены начались неожиданные схватки. Опаленный войной офицер растерялся. Поезд пришлось остановить у ближайшего таежного поселка. Роженицу перевезли в медпункт. Так на станции Облепиха Иркутской железной дороги, а точнее еще в вагоне, появилась на свет девочка весом всего 1 кг 800 гр. Родители назвали ее Галочкой. Мамой новорожденной была сестра милосердия военного госпиталя. Раненые бойцы, несмотря на молодость, называли ее уважительно по имени-отчеству – Вера Петровна. А папой – бывший храбрый танкист Сергей Демьянович Демко. Познакомились они уже после войны в Казахстане, где размещался госпиталь, в котором долго лечился от тяжелого ранения Сергей. После чего был комиссован из армии по инвалидности. Выписался офицер с

осколком вражеского снаряда в сердце, который всю жизнь напоминал ему о себе. А тогда нежные чувства влюбленных переросли в решение создать семью и поселиться на родине мужа.

Однако долгожданное возвращение сына с молодой и ребенком на руках не входило в планы его родителей. Свекровь невзлюбила невестку с первой минуты и подливала деготь в отношения молодых всю жизнь, даже когда сын сбежал со своей молодой семьей от тирании матери на родину жены в Белоруссию. Соседка же, чьи девичьи мечты утонули в безутешных слезах, вскоре уехала из села и больше туда не возвращалась. А вот коренной сибиряк Сергей вернулся с семьей на родину. Только в тайге он чувствовал себя как дома.

Глава вторая **БЕГЛЯНКА**

Читать, писать и ходить в тайгу Галя начала почти одновременно. Девочка еще не знала букв, а по следам на снегу могла доподлинно определить, какой зверь здесь прошел недавно. Тайга кормила не только птиц и зверей, но и людей тоже. И отцу очень хотелось научить своих детей добывать в ней грибы и ягоды, дичь и пушнину, а в горных речках рыбу. Но из пятерых детей Сергея и Веры даже единственный сын ни разу не взял в руки ружье. И только старшая дочь Галя, которая всегда крутилась возле отца, помогая ему и в строительных делах, и по хозяйству, потихоньку пристрастилась к рыбалке, а потом и к охоте. Папка души не чаял в помощнице, а когда девочке исполнилось шесть лет, подарил ей свою мелкокалиберную винтовку и настоящий патронташ, с которыми сначала Галя ходила на щуку. Она знала, что в солнечный летний день щуки любят греться в заводи у берега, лениво пошевеливая плавниками. Достаточно одной пульки, метко направленной в рыбий глаз. — и семья обедом обеспечена. Юной рыбачке нравилась волная охота. Но доставать пяти и более килограммовый тро-

фей из осоки, камышей, водорослей и из-под затонувших коряг она не любила из-за неприятных ощущений от их прикосновения к голому животу. Потом приспособилась и стала входить в воду за своей добычей в старенькой одежде и в кедах. Щуку, приготовленную мамой в сметане или на углях, любили все.

В школе Галя училась хорошо, но при любой возможности убегала в тайгу. Она уже добывала рябчиков, глухарей и прочих лесных птиц. Из глухариных хвостов и крыльев в деревенских домах делали украшения. Из дичи готовили еду. Этих пернатых не ощипывали, как уток, а удаляли перо вместе с кожей.

Окончив восьмилетку, Галя, сговорившись с подругой, без благословения родителей улетела на «кукурузнике» в Ачинск. Так в народе называли самолеты АН-2 малой авиации. Зато летчики уважали свои крылатые машины и звали ласково «Аннушка». Бегству из родительского дома предшествовала первая школьная любовь. Платоническое чувство дочери строгие родители не захотели ни понять, ни принять. «Только смерть может разлучить нас», – говорили друг другу юные влюбленные. Так оно и случилось. Когда парень работал на лесозаготовках, его накрыло скатившимися с лесовоза бревнами. Но родители не пустили дочку даже на похороны. В знак протеста она и улетела тогда в Ачинск.

Галя мечтала о педагогическом техникуме. Однако путь к профессии был не простым. В октябре прием во все учебные заведения уже закончился. И чтобы не возвращаться домой, беглянки поступили в профтехучилище, где готовили аппаратчиков широкого профиля для глиноземного комбината. Учились и жили на полном гособеспечении, в которое входило: обмундирование, проживание, питание. Среднее образование Галя догоняла в вечерней школе. А когда поступила в педагогический техникум, параллельно училась на курсах кройки и шитья при городском Дворце культуры и получила специальность мастера-закройщика. Ей при-

шлось примерить несколько специальностей, пока не пришла к главному назначению в своей жизни – воспитанию трудных подростков.

Глава третья СОХАТЫЙ И МАТЁРЫЙ

Как-то отец Галя признался, что воспитал из старшей дочери мужика. Одна из пяти отпрысков она помогала ему во всем. Не случайно односельчане дали девушке кличку «Сохатый в юбке». Но вот однажды «Сохатый» встретился с матерым медведем. С одним из тех, что и буренок, и свиной, загулявших за околицей, задирают. В тот день отец с дочерью отправились в тайгу за шишками хмеля. Дошли до небольшого озера и продолжили путь по разным берегам. Условились встретиться на противоположной стороне водоема. Галя быстро набила мешок шишками и поставила его к дереву, чтобы отдохнуть. Рядом положила ружье. Без него она в тайгу не ходила. Сама прислонилась спиной к ветвистой березе, растущей поодаль. Уже хотела снять тяжелый патронташ, как вдруг увидела, что прямо перед ней зашевелилась большущая куча бурелома. Из нее появился здоровый медведь. Он почему-то качал головой, как конь: вверх-вниз, вверх-вниз. Галя хотела схватить ружье, но оно осталось метрах в пяти от нее. «Да еще и не заряжено», – эта мысль молнией пролетела в ее голове. Собрав силы и волю в кулак, молодая охотница вскочила на ноги и, как рысь, сделав затяжной прыжок, схватила ружье. Другой рукой пыталась найти в патронташе пулю нужного калибра. Дрожащие руки не слушались хозяйку. Но уже через минуту таежница вставила патрон с пулей в ствол и взвела курок. Однако мотающий головой медведь мешал прицелиться в область сердца. Когда раздался громкий выстрел, охотница не сразу поняла, что это сделала она. Но медведь по-прежнему приближался к ней, раскачивая головой. Галя оцепенела и стояла как вкопанная до тех пор, пока хозяин тайги не опустил морду до самой земли и лбом не уперся в

нее. Увидев зверя на пяти точках, Галя бросила ружье и, не чуя ног и кочек под ними, побежала вдоль озера в ту сторону, куда ушел отец. Вспомнила, что старожилы не раз говорили, будто убежать от разъяренного медведя невозможно. Что этот зверь при необходимости может развивать скорость до ста километров в час. Он вынослив и крепок даже во время ранения. Так она бежала, пока не увидела отца. Он сидел на пенке и спокойно курил. Переведя дух, Галя поняла, что отец прибежал сюда на выстрел, а она обежала озеро вокруг и вернулась к месту встречи с косялапым.

– Какое число сегодня, дочка? – спросил отец.

– 11 октября 1972 года.

– Запомни его. Это день твоего второго рождения.

Тот медведь, которого она убила, был первым и последним в ее жизни. И слава Богу! А всего у Гали с ними было тринадцать встреч! С некоторыми чуть за лапу не здорова-лась. Но она уже знала, как надо вести себя с этим сильным, крупным зверем и ни разу больше не стреляла. Если крикнуть очень громко, медведь может пуститься удирать. А вот если встретишь медведицу с медвежатами, то удирай сам. Охраняя своих малышей, она может и на человека броситься. От отца дочка знала, что родятся медвежата еще в конце зимы, но до весны лежат с матерью в берлоге.

Глава четвертая **ДУША ЗАЕЗДА**

Судьба свела нас с этой необыкновенной женщиной в санатории «Тонус». Несмотря на свой немалый рост и крепкое телосложение, фигура Галины Сергеевны не казалась высе-ченной из камня. В отличие от многих современных жен-щин, она носила со вкусом подобранные платья, красивые наряды, а не ходила по санаторию и на процедуры в брюках или спортивных костюмах. За двадцать два года работы преподавателем спецдисциплин и воспитателем в сельском профтехучилище всегда выглядеть безупречно стало для нее привычкой. Своей манерой одеваться она прививала

курсантам хороший вкус. Ведь все знают, что любого человека по одежке встречают – и подростков тоже. Галина Сергеевна никогда не повышала голос на своих подопечных и не ругала, даже если у кого-то случилось ЧП личного масштаба. Например, нечаянная беременность или кто-то накачался наркотиками. Дежурные ночные воспитатели звонили Галине Сергеевне, и она мчалась в любое время суток разруливать ситуацию. Вот почему, когда пришло время оформляться на заслуженный отдых, директор не отпускал еще два года. На третий Галина Сергеевна категорично отказалась. Ведь она очень нужна своим внукам и правнучкам. И взрослым детям мама тоже нужна. Да и о собственном здоровье пора позаботиться.

Так Галина Сергеевна оказалась в геронтологическом центре. Это был второй зимний заезд года. Повезло девчатам, с которыми ее поселили. С утра до вечера в их комнате не смолкал смех. Это Галина рассказывала байки из собственной жизни. Да так смачно и весело, что даже трагические истории воспринимались с хохотом. Например, как она тонула во время первого осеннего подледного лова, спасая не себя, а ящик со снастями, цена которому, с ее слов, около восьми тысяч рублей! Высокая, статная, улыбчивая женщина, она всегда была в хорошем настроении, никогда не унывала. А ведь поводов у людей преклонного возраста, для которых и созданы такие центры, более чем достаточно. Букет болезней у каждого свой и с годами не уменьшается.

Байки из Галины сыпались, как из рога изобилия. Особенно охотничьи и рыбацкие. Такую рассказчицу редко встретишь. У нее был особый дар: художественное их оформление и умение подать. Оказывается, в родном Тюхтете Галина Сергеевна занимается в литературном объединении «Родничок». Сейчас там готовят к изданию коллективный сборник поэзии. Будут в нем и стихи Галины. Ей доверяют открывать весенние и осенние поэтические фестивали, ставшие в Тюхтете традиционными. На них съезжаются таланты со всего района за сотню верст, чтобы по-

читать свои стихи, послушать других. Как рождаются стихи у Галины? По-разному.

· Вот и царствует осень меж сосен.
До гола ветер лес обобрал,
Что-то сердцу все больше несносен
Этот желтый шуршащий обвал.
Так и шла бы скользящей походкой,
Загребая сухую листву.
И в стихах своих вдруг обнаружу
Вновь родившуюся строку...

Есть у Галины Сергеевны еще один талант. Она сочиняет мелодии к своим стихам и поет их как песни. Об этом очень скоро узнали и в санатории. На каждом вечере отдыха ее просили рассказать что-нибудь интересное. И обязательно спеть. Без жеманства она выходила к микрофону и читала с листа написанную ночью очередную историю или пела песню на тему вчерашнего дня. Так эта женщина стала не только кумиром для девчат своей комнаты, но и душой всего санатория.

Восемнадцать дней пролетели быстро. В дороге домой я думала о том, почему с одними людьми мы чувствуем себя легко, а с другими неуютно? Всегда веселая и позитивная, Галина, как одуванчик, сеет вокруг себя такие же эмоции. Откуда у нее этот дар? Живет одна. Дважды была замужем. Одного мужа похоронила, с другим разошлась, но ухаживала за больным до самой гробовой доски. Как все бабушки, по вызову занимается внучатами. В ней еще много нерасстраченной нежности и душевных сил. Открытая, как на ладошке, и уязвимая со всех сторон, она умеет постоять за себя и с достоинством ответить любому, попытавшемуся обидеть ее чуткое, ранимое сердце.

Как-то Галя сказала: «Зачеркнуть бы всю жизнь, да сначала начать...» Господь Бог не дает нам такую возможность. Зато, если постараться, мы можем прожить еще не одну жизнь:

...Как поют соловьи,

Полумрак, поцелуй на рассвете...
И вершина любви –
Это чудо великое – дети!
Вновь мы с ними пройдем:
Детство, юность, вокзалы, причалы.
Будут внуки, потом
Все опять повторится сначала...

Вспоминайте эту песню на стихи Константина Ваншенкина, когда вам вдруг нечаянно взгрустнется, дорогие читатели, и всеми силами цепляйтесь за жизнь, потому что она нужна не только нам.

ПОСТ

Екатерина подходила к объекту осторожно, бесшумно. Еще издали она заметила, что света в окне нет. Почему? Ведь муж должен быть на посту. Он охраняет автостоянку. «Наверное, бабу привел», – подумала она, распалая свое воображение, поднимаясь по лестнице к заветной двери в сторожку. Толкнула. Дверь заперта. Постучала. Ей ответила тишина. Повернулась спиной и с яростью пнула пяткой. Прислушалась. Никаких признаков присутствия кого-то за дверью не обнаружилось. «Значит, ушел к какой-то бабе...» - решила Катерина и, спустившись с лестницы, направилась домой. Ну, я ему покажу кузькину мать! Пусть только явится... Всю дорогу женщина накручивала себя. Подойдя к своей квартире, тихонько вставила ключ в замочную скважину, дверь бесшумно открылась. Неужели домой привел?! Ведь я должна вернуться только завтра. На кухне и в спальне горел свет. Вооружившись лежащей в прихожей резиновой дубинкой (настоящей, как у полицейских патрулей, ее держали у входной двери на всякий случай), не разуваясь, она сразу прошла в спальню. Увидев пустую, заправленную кровать, направилась в кухню. И только тут услышала

скворчание сала на сковородке и запах жарившейся глазуньи. Муж стоял с крышкой в руке и удивленно смотрел на жену. В ее глазах он увидел следы всполохов уходящей грозы.

– Слава Богу, приехала,- сказал обрадованный супруг и, бросив крышку на сковороду, обнял женщину, с которой прожил 32 года. По ее напряженному телу и по дубинке, понял, что творилось в душе его любимой «фурии». – Давай помогу раздеться. Мой руки, кормить буду.

– Ты почему покинул пост?!- грозно спросила жена.

– Так ведь тебя не было, ужин принести некому. Вот сам пришел, приготовил, щас бы выложил в контейнер и бегом обратно.

– А почему заранее не приготовил и не взял с собой? – продолжила допрос жена.

– Забыл. Ты разбаловала меня. Приходила на подмену или приносила еду. Не привык сам-то готовить.

– Ладно, – уже миролюбиво ответила Катерина и положила голову на плечо мужа.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

*Какие умные глаза!
Но сколько в тех глазах печали,
как будто те смотреть устали
на судеб наших образа.*

Сергей Калита

Пассажирский поезд остановился на очередной станции. Большая семья, громко переговариваясь, вышла из вагона. Сразу пять мест в плацкартном купе оказались свободными. Оставшаяся женщина средних лет облегченно вздохнула. Трудновато было ей двое суток ехать в такой непомерно шумной говорливой компании попутчиков. Воцарилась непривычная для поезда тишина, которую не нарушал даже монотонный стук колес.

В купе вошла женщина, немолодая, лет 70-ти, но и бабушкой ее не назовешь. Спинка прямая, очень аккуратно одета, но небогато. Не снимая пальто, она опустилась на нижнюю полку, придвинулась ближе к окну, взглядом будто искала кого-то. Поезд тронулся, но вошедшая женщина с печалью в глазах продолжала смотреть в окно на проплывающие мимо деревеньки, села, поля, леса, перелески... Даже, когда опустились сумерки, они не мешали ей погружаться в свой внутренний мир.

– В гости или из гостей? – обратилась к новенькой попутчице вторая женщина, прервав затянувшееся молчание.

– Да. Муж недавно умер, теперь места и покоя себе не нахожу. Дома мне плохо, дверь ключом открываешь, а в ответ тишина. Вот и езжу по родным и знакомым, благо, что все зовут к себе.

– Болел?

– Да. Много и сильно. И прожили-то недолго. Всего восемь лет. Но они мне дороже всей моей предыдущей жизни.

Через несколько остановок женщина, так и не снявшая пальто, покинула вагон на своей станции. А оставшаяся – еще долго думала о ней. Ведь они даже не познакомились, но эта встреча и короткая фраза запали в душу, как оказалось, надолго. И вот почему.

Когда Вера Ивановна (так назовем нашу землячку) вернулась в свой город, в ближайшие дни ей позвонила приятельница:

– Вер, ты давно видела Марию, что у нас в плановом работала?

– Давно. А что случилось?

– Иду я как-то на рынок. Смотрю навстречу она да еще с мужчинкой. В одной руке у нее большущая сумка с продуктами, а на другой – почти висит прицепившийся под руку мужичок. Мы с ней поздоровались и разошлись. Но мне же интересно, ведь муж у нее чуть больше года как умер. Через некоторое время я позвонила ей и спрашиваю:

– Ты что? Замуж вышла?

– Выйти-то вышла,- говорит, – да теперь не знаю, что и делать. Его квартиру продали, живем в моей. Отправить назад некуда. Попала я в безвыходное положение.

– Пьет что ли? Или болеет сильно?

– Болеет. Все мы нездоровы в нашем возрасте. С этим еще можно мириться. Но он с утра до вечера бухтит и бухтит, бухтит и бухтит. Все ему не так. Всем он недоволен. Нет ни покоя, ни сна. Достал до печенки, хоть из собственного жилья беги, куда глаза глядят.

– Тут я тебе не советчик. Каждый сам выбирает свою судьбу, – ответила Марии сослуживица.

Вера Ивановна, услышав этот рассказ, задумалась.

Она вспомнила свою попутчицу. Две женщины, одного возраста: у одной муж серьезно болел, у другой тоже болеет. И такие разные судьбы. Первая видела за окном то, что было скрыто ото всех – быстро промелькнувшие годы, где она была счастлива с мужем. Боль утраты до сих пор преследует ее. Вторая же – не знает, что делать со своей так и несложившейся жизнью.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТОЙ ВОЗРАСТ

Г. РУСАЛЕЕВ.....	3
З. СМОЛЯНИНОВА.....	9
Е. РУСАЛОВА.....	12

ПРАВДА ЖИЗНИ

А. ТОКАРЕВА.....	14
Т. АНТРОПОВА.....	18
Т. ГОРБУНОВА.....	23
Е. КОРОЛЁВА.....	27
Е. НАНДЫШЕВА.....	34
Л. НОВИКОВА.....	38
О. ПЕТРУШЕНКО.....	40
Л. СЕРГЕЕВА.....	46
Л. ЧЕРНЫХ.....	50

ЛЕТА К СУРОВОЙ ПРОЗЕ КЛОНЯТ

Т. ХВЕДЧЕНЯ.....	54
Л. МАРЬЯСОВА.....	60
Л. ЖИВАЕВА.....	68
С. НОВИКОВ.....	72

ЧТО ОСТАНЕТСЯ ПОСЛЕ МЕНЯ

Н. СОРОКИНА.....	78
А. БЕЛЯНИН.....	88
Н. МОЛОКТИНА.....	91
И. МОРОЗОВ.....	94
Л. НОВОСЁЛОВА.....	97
Н. РУБАН.....	101
Н. САФИУЛЛИНА.....	103

Двадцать два года назад клуб «Вдохновение» г. Шарыпово был организован как литературный, объединив самодельных поэтов и прозаиков. Со временем под его крыло пришли творческие люди разных направлений. Наш клуб стал называться творческим. С 2014-го года он носит имя безвременно ушедшей известной шарыповской поэтессы Людмилы Витольдовны Вишняковой. Теперь «Вдохновение» объединяет не только пишущую братию, но и самодельных композиторов, которые слагают песни на стихи местных авторов, а также вокалистов и художников. Есть в наших рядах барды, свой костюмер и журналисты. Сколько книг, коллективных и авторских, издано, сколько проведено творческих и юбилейных вечеров, презентаций книг, литературно-музыкальных гостиных, мастер-классов! Клуб живет интересной, насыщенной жизнью не только для себя, но и для жителей города и окрестных сел. Шестой коллективный сборник мы назвали «Какое счастье жизнь любить». Надеемся, что он понравится нашим читателям.